

ВОЗРОЖДЁННАЯ ПЕПЛОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛИНА КЛЕХ

18+

Лина Клех

Возрождённая пеплом

«Автор»

2026

Клех Л.

Возрождённая пеплом / Л. Клех — «Автор», 2026

Меня зовут Аделина. Я умирала семнадцать раз. Каждую ночь — один и тот же кошмар: пламя, боль и мужчина, шепчущий "прости". Я думала, схожу с ума. Пока в ночь восемнадцатилетия не узнала правду. Демоны реальны. Я — Страж с проклятой душой. А тёмноволосый незнакомец с глазами бури — Дэймон — убивал меня в каждой прошлой жизни. И любил. Страстно. Безумно. Смертельно. Одно его прикосновение — и я вспоминаю: наши тела, сплетённые в темноте. Его губы. Его руки. Удовольствие на грани боли. Теперь восемнадцатая жизнь. Последний шанс. Разорву проклятие или сгорю снова, погубив весь мир. Но когда он смотрит на меня так, я готова гореть. Семнадцать смертей не научили меня главному — держаться от него подальше. 18+: опасная одержимость. Страсть сильнее инстинкта выживания. Любовь как приговор.

© Клех Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. КОШМАРЫ	9
ГЛАВА 2. НОЧЬ, КОТОРАЯ ВСЁ ИЗМЕНИЛА	18
ГЛАВА 3. НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ	29
ГЛАВА 4. ТЁМНОЕ ПРОШЛОЕ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лина Клех

Возрождённая пеплом

Эпиграф

*Семнадцать раз я горела дотла.
Семнадцать раз возвращалась из пепла.
В восемнадцатый — выбираю сама:
сгореть навсегда или вспыхнуть навечно.*
Возрождённая Пеплом

ПРОЛОГ

Древний Рим, 79 год н.э.

Пепел падал с неба, как проклятый снег.

Везувий ревел на горизонте — гора превращалась в чудовище, извергая огонь и дым. Помпеи задыхались. Люди бежали к морю, к воротам, друг через друга, затапывая слабых. Крики. Плач детей. Запах серы въедался в лёгкие.

Я не бежала.

Стояла на ступенях храма Венеры и смотрела, как рушится мир. Мой мир. Белая туника прилипла к телу от пота и пепла. Волосы — когда-то аккуратно уложенные для церемонии — растрепались, тёмные пряди хлестали по лицу.

Я ждала его.

— Аврелия!

Голос прорезал хаос. Низкий, отчаянный, знакомый до боли. Я обернулась.

Он бежал ко мне через площадь — центурион с лицом, которое богини вырезали из мрамора и оживили огнём. Доспехи отброшены. Меч на боку. Пепел оседал на тёмных волосах, на широких плечах.

Дамиан.

Мой Дамиан.

Запретный. Проклятый. Единственный.

Он взбежал по ступеням, схватил меня за плечи. Пальцы впились — крепко, до синяков, словно боялся, что я исчезну.

— Зачем ты здесь? — хрипло выдохнул он. Серые глаза — цвета грозового неба — метались по моему лицу. — Я же сказал — беги к порту. Корабль ждёт. Ты должна была...

— Уйти без тебя? — Я коснулась его щеки. Под ладонью — щетина, грязь, кровь. Не его. — Никогда.

— Аврелия... — В его голосе прозвучало что-то, от чего оборвалось сердце. Он знал. Всегда знал больше, чем говорил.

— Он здесь, — прошептала я. Не вопрос. Утверждение.

Дамиан сжал челюсти. Кивнул.

Я усмехнулась — горько, обречённо.

— Сколько у нас времени?

— Минуты. — Он притянул меня к себе, уткнулся лбом в моё плечо. Дрожал — этот неукротимый воин, который убивал демонов голыми руками. — Прости. Прости меня. Я думал... я думал, смогу защитить тебя.

— Ты защищал. — Я подняла его лицо, заставила смотреть на меня. — Семь лет, Дамиан. Семь лет счастья, которого у нас не должно было быть. Это не мало.

— Этого мало! — Он сжал мою руку. — Мне нужна вечность. Тысяча жизней. Я...

Воздух вокруг сгустился.

Пепел застыл в воздухе — каждая частица повисла неподвижно, будто время остановилось. Крики города стихли. Даже рёв Везувия превратился в далёкий гул.

Он пришёл.

Фигура материализовалась у подножия храма. Высокий, в чёрном плаще, капюшон скрывал лицо. Но я чувствовала взгляд — холодный, властный, полный одержимости, от которой хотелось содрать с себя кожу.

— Аврелия. — Голос обволакивал, как яд в меду. — Моя непокорная невеста.

Дамиан вытолкнул меня за спину, выхватил меч. Лезвие вспыхнуло серебром — руны Стражей ожили, отвечая на присутствие тьмы.

— Через мой труп, Азраэль.

Существо в капюшоне наклонило голову — почти по-человечески.

— Это можно устроить, Страж. Опять. — Пауза. — В который раз ты хочешь умереть за неё?

— В любой.

— Благородно. Глупо. — Азраэль шагнул вперёд. Пепел под его ногами превращался в чёрное стекло. — Но бессмысленно. Она моя. Была моей тысячу лет назад, когда её душу ещё не оскверняло смертное тело. Будет моей, когда я верну её туда, где ей место.

— Я никогда не была твоей! — Я обошла Дамиана, встала рядом. Он попытался остановить меня, но я сжала его руку. — Никогда. Даже когда ты называл это любовью.

Капюшон откинулся.

Лицо Азраэля было совершенством — идеальные черты, золотые глаза, холодная красота падшего ангела. И ни капли человечности.

— Любовь? — Он усмехнулся. — Это слишком мелко для того, что между нами. Ты — часть меня. Отнятая. Украденная. И я заберу тебя. В этой жизни. В следующей. Во всех, что последуют.

— У неё не будет следующих, — прорычал Дамиан.

— О, будут. — Золотые глаза сверкнули. — Я сделаю так, что её душа будет возвращаться. Снова. И снова. Пока она не поймёт: сопротивление бессмысленно. Пока не примет свою судьбу.

Он поднял руку.

Воздух загорелся.

Пламя — не красное, не оранжевое, а чёрное, поглощающее свет — ринулось к нам. Дамиан толкнул меня в сторону, взмахнул мечом. Серебро встретилось с тьмой, и мир взорвался болью.

Я упала на камни. Кровь — горячая, липкая — текла из разбитой губы. Подняла голову.

Дамиан стоял на коленях. Грудь вспорота — три глубоких раны. Кровь заливала туннику. Меч выпал из ослабевших пальцев.

Но он улыбался. Смотрел на меня и улыбался — этой мальчишеской улыбкой, которая заставила меня впервые влюбиться семь лет назад.

— Беги, — выдохнул он.

— Нет.

— Аврелия...

— Нет!

Я бросилась к нему. Азраэль был быстрее.

Рука в чёрной перчатке обхватила моё горло, приподняла над землёй. Я задыхалась, царапала его запястье, но это было всё равно что скрестить камень.

— Смотри, — прошептал он мне на ухо. — Смотри, что происходит, когда ты выбираешь смертного.

Чёрное пламя окутало Дамиана.

Он закричал — хрипло, надрывно, и это был худший звук, который я когда-либо слышала. Тело корчилось. Кожа плавилась. Но глаза — эти серые, гроззовые глаза — не отрывались от меня.

— Люблю, — выдохнул он сквозь агонию. — Найду... снова...

А потом превратился в пепел.

Что-то сломалось во мне. Не сердце — глубже. Душа треснула, и из трещины вырвался крик. Не человеческий. Первозданный.

Сила взметнулась из меня — слепая, дикая, рождённая из горя и ярости. Азраэль отшвырнуло назад. Я упала, ударились о ступени.

Он поднялся. Кровь — чёрная, как его пламя — сочилась из разреза на щеке. Первый раз я видела, как он ранен.

Золотые глаза расширились. Что-то промелькнуло в них — удивление? страх? восторг?

— Вот она, — прошептал он. — Моя истинная невеста. Моя королева тьмы.

— Я не твоя. — Голос дрожал. Руки — тоже, покрытые светом, который жёг, как лёд. — Никогда не буду.

— Будешь. — Он шагнул ближе. Пламя окружило его, чёрная корона на золотых волосах.

— Не в этой жизни — ты слишком отравлена его любовью. Но в следующих... Каждая смерть будет стирать его из тебя. Каждое возрождение — приближать ко мне.

— Я найду способ разорвать твоё проклятие.

— Нет. — Он улыбнулся — холодно, победно. — Не найдёшь. Потому что даже если найдёшь силы — у тебя не хватит жестокости убить того, кого ты любишь. А он будет рядом. Всегда. Я позабочусь об этом.

— Что?

— Твой Страж. — Азраэль посмотрел на пепел, что остался от Дамиана. — Его душа тоже будет возвращаться. Снова и снова. Привязанная к твоей. Он будет любить тебя. Находить тебя. И убивать.

— Нет...

— Да. — Голос звучал, как приговор. — Потому что единственное, что может разорвать проклятие — твоя смерть от руки того, кого любишь. Огонь. Всегда огонь. Твоё очищение. Моя месть. Его мучение. Идеальный круг.

Он поднял руку. Чёрное пламя собралось в ладони — плотное, как копье.

— Увидимся в следующей жизни, моя любовь.

Копье вонзилось мне в грудь.

Боль. Боль, которая не описывается словами. Огонь снаружи. Лёд внутри. Разрыв между ними.

Я падала — сквозь камни, сквозь землю, сквозь саму реальность.

Последнее, что я видела — золотые глаза Азраэля.

Последнее, что чувствовала — пепел Дамиана на губах.

Последнее, что поняла — это только начало.

Первая смерть.

Семнадцать впереди.

И одна последняя, которая всё решит.

ГЛАВА 1. КОШМАРЫ

Обычный мир рушится. Правда ранит сильнее лжи.

Я просыпалась от запаха горячей плоти.

Своей плоти.

Рывок вверх — холодный пот на коже, сердце бьётся так, что грудная клетка готова расколаться. Пальцы судорожно ощупывают тело: живот, рёбра, грудь. Кожа целая. Никаких ран. Никакого огня.

Но запах остаётся.

Я зажмурилась, попыталась выровнять дыхание. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Техника, которую психолог советовала три года назад, когда кошмары стали невыносимыми.

Не помогла тогда. Не помогает сейчас.

Телефон на тумбочке светится: 3:47. Снова. Каждую ночь одно и то же время. Словно моё подсознание решило, что три сорок семь утра — идеальный момент для напоминания о том, что я схожу с ума.

Комната постепенно материализовывалась в темноте. Постеры на стенах — группы, которые я даже не слушаю, но они делают пространство менее пустым. Стопки книг на полу — я обещала себе разобрать их месяц назад. Окно, занавешенное плотными шторами, потому что свет фонарей мешает спать.

Свет. Огонь. Всё сливается в кошмарах.

Я откинула одеяло, встала. Ноги подкашивались — всегда так после этого сна. Дошла до окна, раздвинула штору.

Город спал. Сиэтл во всей красе — огни небоскрёбов, пустые улицы, редкие машины.

Дождь — барабанил по стеклу. Ноябрь в Сиэтле означал воду в любом её проявлении.

Я прижала ладонь к холодному стеклу. Контраст с жаром, который всё ещё пульсировал под кожей — призрак кошмара, — отрезвлял.

Огонь. Всегда огонь.

И он.

Мужчина с лицом, которое я не помню наяву, но узнаю во сне. Тёмные волосы. Глаза цвета грозы. Руки, обхватывающие меня, пока пламя пожирает нас обоих.

И слова. Каждый раз одни и те же:

«Прости. Прости меня. Я люблю тебя.»

А потом — боль. Жар. Смерть.

Капли дождя стекали по окну, оставляя причудливые узоры. Я проследила взглядом за одной — от верхнего края до подоконника. Путь капли напоминал слезу. Сколько таких слёз я пролила во сне за последние месяцы? Сотни? Тысячи?

Город внизу начинал просыпаться. Редкие фары машин прорезали предрассветную мглу. Где-то вдалеке замигал светофор — зелёный, жёлтый, красный. Цикл повторялся снова и снова, бесконечный, предсказуемый.

Как мои кошмары.

Я отняла руку от стекла, посмотрела на ладонь. Кожа выглядела обычно — бледная, тонкая, с едва заметными венками. Никаких следов ожогов. Но иногда, сразу после пробуждения, мне казалось, что я вижу шрамы. Паутинка старых отметин, которых не должно быть.

Моргнѐшь — и они исчезают.

Ты сходишь с ума, Аделина.

Не в первый раз эта мысль посещала меня. Не в сотый. Может, пора вернуться к психологу? Доктор Чен была терпеливой, понимающей, но её методы не работали. Дыхательные упражнения, когнитивная терапия, травяные чаи перед сном — всё бесполезно.

Потому что это не просто кошмары.

Они слишком реальны. Слишком детальны. Я чувствую запахи — серу, дым, что-то сладковатое, как горящие специи. Слышу звуки — треск пламени, крики, его голос. Ощущаю текстуры — грубую ткань туники на коже, холод камня под босыми ногами, жар его ладоней.

Какой кошмар настолько подробен?

Я обхватила себя руками, зябко поёжившись. В квартире было прохладно — отопление работало через раз, а владелец не спешил чинить. Обычно меня это не беспокоило. Я всегда мёрзла, даже летом. Хлоя шутила, что я — ходячий ледник.

Но после снов с огнём холод казался благословением.

Телефон на тумбочке снова завибрировал. Я вернулась к кровати, взяла его, щурясь от яркого экрана. Четыре сообщения от Хлои.

3:15: *«Не спишь??»*

3:23: *«Кошмары опять?»*

3:35: *«Аделина, ответь, я волнуюсь»*

3:48: *«Ладно, раз ты жива, напомню: СЕГОДНЯ ТВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ!*

Готовься к лучшей ночи в твоей жизни!!!»

Последнее сообщение пришло только что, минуту назад. Я слабо улыбнулась. Хлоя никогда не спала нормально — её режим был хаотичным, как и всё остальное в её жизни. Но она единственная, кто не отвернулся от меня, когда я стала странной.

Потому что я *была* странной.

Не только кошмары. Ещё это постоянное ощущение несоответствия. Словно моя кожа не подходит мне по размеру. Словно я надела чужую жизнь, как слишком тесную одежду, и теперь не могу снять.

Иногда я смотрела на свои руки и не узнавала их. Пальцы казались слишком длинными, или слишком тонкими, или... другими. Я проводила часы перед зеркалом, изучая своё лицо, пытаясь понять, что не так. Но лицо было моим. Аделина Вейн. Восемнадцать лет. Тёмные волосы, зелёные глаза, бледная кожа, россыпь веснушек на носу.

Я. Но не совсем.

Особенно глаза.

Иногда, в определённом свете, они выглядели не зелёными. Почти золотыми. Или янтарными. Я списывала это на освещение, но в глубине души знала — что-то не так.

Набрала ответ Хлое:

«Жива. Не спала. Всё как обычно.»

«Серьёзно, Дел, тебе нужно к врачу. Это ненормально — не спать месяцами.»

«Я сплю. Просто... плохо.»

«Тогда к психиатру. Может, таблетки помогут?»

Я пробовала таблетки. Снотворное делало сны ещё более яркими, почти галлюциногенными. Просыпалась с криком, не в состоянии отличить реальность от видений. После третьей ночи выбросила упаковку.

«Я в порядке. Правда.»

«Ложь. Но ладно. Сегодня мы это исправим. Клуб, танцы, выпивка, горячие парни. Всё, что нужно для терапии.»

«Хлоя...»

«Не смей отказываться! Тебе 18! ВОСЕМНАДЦАТЬ! Это важно! Плюс, я уже купила торт. Огромный. С клубникой. Если не придёшь, съем сама и возненавижу тебя.»

Несмотря на усталость, я усмехнулась. Хлоя знала мои слабости. Клубничный торт был одной из немногих вещей, которые всё ещё приносили радость.

«Во сколько?»

«22:00. Eclipse. Не опаздывай. И надень то чёрное платье, которое мы покупали.

Пора вытащить тебя из образа монашки.»

«Я не выгляжу как монашка.»

«Детка, ты носишь чёрные водолазки и джинсы 24/7. Это почти монашка. Только без обета безбрачия. Хотя, учитывая твою несуществующую личную жизнь...»

«Заткнись.»

«Люблю тебя тоже. Увидимся вечером. И помни — сегодня ты ВЕСЕЛИШЬСЯ. Это приказ.»

Я бросила телефон на кровать, потёрла лицо. Клуб. Я ненавидела клубы. Слишком много людей, слишком громкая музыка, слишком много... всего. Но Хлоя старалась. И она права — мне восемнадцать. Должна же я хоть раз вести себя как нормальный подросток?

Часы показывали четыре утра. Смысла возвращаться в постель не было. Я знала — если закрою глаза, он вернётся. Мужчина из снов. Его руки. Его губы. Его последние слова перед тем, как огонь поглощает нас.

«Прости.»

За что он просит прощения?

Я встала, босиком прошла по холодному полу в крошечную ванную. Включила свет — резкий, беспощадный. Зеркало надо мной отражало девушку, которая выглядела намного старше восемнадцати.

Тёмные круги под глазами. Бледная, почти серая кожа. Губы сухие, потрескавшиеся. Волосы спутанные, падали на плечи тёмной волной. Я выглядела, как призрак.

Или как кто-то, кто умирал слишком много раз.

Мысль пришла из ниоткуда, чёткая и холодная. Я замерла, уставившись на своё отражение.

Откуда это?

Умирала? Я никогда не умирала. Мне восемнадцать. Обычная жизнь. Школа, университет, работа в кофейне. Ничего экстраординарного.

Но отражение смотрело на меня, и в его глазах — в моих глазах — было что-то древнее. Усталое. Знающее.

Я резко отвернулась, открыла кран. Ледяная вода обожгла ладони. Я плеснула себе в лицо — раз, другой, третий. Капли стекали по шее, промочили футболку.

Хватит. Соберись.

Душ. Горячий, почти обжигающий. Я стояла под струёй, позволяя воде смыть липкий осадок кошмара. Пар заполнил ванную, на зеркале выступил конденсат.

Когда вышла, моя кожа была красной от жара. Я вытерлась, закуталась в халат, вернулась в комнату. За окном рассвет пробивался сквозь тучи — серый, неохотный. Типичный ноябрь.

Восемнадцать лет назад, в такой же серый ноябрьский день, я родилась. Мама умерла при родах — это всё, что я знала о ней. Отца не было вообще. Меня воспитывала бабушка, пока не умерла, когда мне было четырнадцать. С тех пор — приёмные семьи, общежития, и наконец, в шестнадцать, эта квартира, которую я снимаю на деньги со стипендии и подработок.

Одиночка. Сирота. Девушка без прошлого.

Может, поэтому мне так легко верить, что моя жизнь — не моя? Потому что у меня нет корней, нет истории, нет ничего, что держало бы меня здесь?

Я подошла к маленькому комоду, достала коробку из нижнего ящика. Старая, жестяная, когда-то красная, теперь облупившаяся. Единственное, что осталось от бабушки.

Внутри — несколько фотографий, письмо, странный медальон.

Я достала медальон, положила на ладонь. Тяжёлый, серебряный, покрытый патиной. На нём выгравирован символ — что-то вроде феникса, или птицы в огне. Бабушка говорила, что он очень старый, семейная реликвия. Велела мне никогда не снимать.

Но я не носила его. Не могла. Каждый раз, когда надевала, кожа под медальоном начинала гореть. Не метафорически — буквально. Красные пятна, волдыри. Врачи говорили об аллергии на металл, но это было не похоже на аллергию.

Это было похоже на отторжение.

Я провела пальцем по фениксу. Металл был холодным, почти неприятным.

Почему бабушка так настаивала?

Она умерла внезапно — сердечный приступ — не успев ничего объяснить. Только это письмо, которое я нашла в коробке после её смерти.

Я достала конверт, пожелтевший от времени. Бабушкин почерк — дрожащий, слабый — покрывал бумагу.

«Моя дорогая Аделина,

Если ты читаешь это, меня уже нет. Прости, что не смогла сказать тебе правду раньше. Но некоторые вещи нельзя произносить вслух — они привлекают внимание тех, кто не должен знать.

Ты не обычная девочка. Никогда не была. В тебе течёт кровь, которая старше этого мира. Твоя душа прошла через огонь столько раз, что я потеряла счёт.

Кошмары, которые тебя мучают — это не просто сны. Это воспоминания. Обрывки прошлых жизней, пытающиеся прорваться сквозь завесу забвения.

**Когда тебе исполнится восемнадцать, всё изменится. Ты вспомнишь. И они придут за тобой.*

Медальон — твоя защита. Я знаю, он причиняет боль. Это потому, что печать ещё держится. Но в день твоего совершеннолетия печать ослабнет. Ты должна будешь выбрать: принять то, кем ты являешься на самом деле, или остаться в неведении.

Но знай — неведение не спасёт тебя. Они всё равно найдут. Они находили каждый раз.

Береги себя, моя девочка. И помни — огонь не всегда враг. Иногда он единственный способ возродиться.

Твоя бабушка.»

Я перечитывала это письмо сотни раз. Пыталась найти в нём смысл. Но слова казались бредом умирающей женщины, чей разум уже не был ясным.

Прошлые жизни? Печати? *Они?*

Бабушка была религиозной, верила в реинкарнацию, карму, всякую мистику. Я списывала письмо на это. На её веру в то, чего не существует.

Но кошмары...

Кошмары становились реальнее с каждым днём.

Я сложила письмо обратно, положила медальон в коробку, закрыла. Убрала в ящик. Не сегодня. Сегодня мой день рождения, и я не буду думать о бреде мёртвой женщины.

Одежда. Чёрные джинсы, тёмно-серая водолазка, потёртые кеды. *Образ монашки*, как говорила Хлоя, но мне было комфортно. Волосы я собрала в небрежный пучок, макияж не стала делать — всё равно смоемся к обеду.

К шести утра я уже была одета. Кофе — крепкий, чёрный, обжигающий — в руках. Я стояла у окна, наблюдая, как город просыпается.

Люди спешили на работу. Машины ползли в пробках. Жизнь текла, обычная, предсказуемая.

А я чувствовала себя призраком, наблюдающим за чужим существованием.

К восьми я была в «*Moonlight Coffee*».

Кофейня располагалась на углу оживлённой улицы в Капитол-Хилл — районе, который никогда не спал полностью. Крошечное заведение с облупившейся вывеской, но с лучшим кофе в округе и атмосферой, которую не купишь за деньги.

Мэгги, владелица, уже была внутри. Пятидесятилетняя женщина с седыми дредами и улыбкой, которая согревала лучше любого напитка.

— С днём рождения, солнышко! — Она вышла из-за стойки с маленьким кексом, на котором горела одинокая свечка. — Загадай желание!

Я остановилась, глядя на пламя свечи. Маленькое, оранжевое, танцующее. Безобидное. Но моё сердце забилося быстрее. Горло сжалось.

Огонь.

— Аделина? — Мэгги наклонила голову. — Ты в порядке?

Я моргнула, заставила себя улыбнуться.

— Да. Просто... думаю, что загадать.

— Думай быстрее, а то воск на крем потечёт.

Я наклонилась, задула свечу одним выдохом. Дым поднялся тонкой струйкой, и на секунду — всего на секунду — мне показалось, что он складывается в фигуру. Мужчина. Высокий. С тёмными волосами.

Моргнула — исчез.

Ты не выпалась. Вот и всё.

— Что загадала? — Мэгги протянула мне кекс.

— Если скажу, не сбудется, — ответила я автоматически.

Я не загадывала ничего.

Что просить? Чтобы кошмары прекратились? Чтобы я почувствовала себя нормальной? Чтобы пустота внутри наконец заполнилась чем-то, кроме страха?

Мэгги сжала моё плечо.

— Восемнадцать — особенный возраст. Всё может измениться, когда ты этого меньше всего ожидаешь. — Она подмигнула. — Держись, солнышко. Что-то мне подсказывает, сегодня будет интересный день.

Если бы она знала, насколько.

День потянулся в обычном ритме. Заказы сыпались один за другим. Капучино, латте, американо, чай. Улыбки клиентам, механические фразы, автоматические движения.

Но что-то было не так.

Люди смотрели на меня странно. Долше, чем нужно. С выражением, которое я не могла расшифровать. Любопытство? Узнавание? Страх?

Женщина лет тридцати, заказывая эспresso, уставилась на меня так пристально, что я почувствовала, как мурашки побежали по спине.

— Можно я кое-что спрошу? — произнесла она тихо.

— Конечно.

— Вы... вы когда-нибудь чувствуете, что уже проживали этот момент? Дежавю?

Я замерла, пальцы сжали холдер кофемашины.

— Иногда. А что?

Женщина наклонилась ближе. Её глаза были широко распахнуты, почти лихорадочными.

— Я видела вас во сне. Прошлой ночью. Вы стояли в огне. И не горели. — Она сглотнула. — Это было так реально. Я проснулась в поту, и мне казалось, что запах дыма вёлся в кожу.

Чашка выскользнула из моих рук, разбилась о пол. Осколки разлетелись, кофе растёкся тёмной лужей.

— Я... извините, — пробормотала я, нагибаясь, чтобы собрать осколки.

Но женщина схватила меня за запястье. Её пальцы были холодными, как лёд.

— Вы знаете, о чём я говорю. Вижу по вашим глазам. — Её голос дрожал. — Что с вами? Кто вы?

— Я никто, — выдохнула я, вырывая руку. — Просто бариста. Вам привиделось.

— Нет. — Женщина медленно отступила. — Нет, это было не видение. Это было... предупреждение.

Она развернулась и выбежала из кофейни, не взяв свой заказ.

Мэгги выглянула из подсобки.

— Что случилось? Я слышала грохот.

— Разбила чашку. — Я встала, держа осколки на ладони. Один острый край впился в кожу, выступила капля крови. — Извини.

Мэгги взяла у меня осколки, внимательно посмотрела на меня.

— Ты сегодня не в себе. Может, пойдёшь домой? День рождения всё-таки.

— Нет, я... я в порядке. Правда.

Ложь.

Остаток смены прошёл в тумане. Каждый клиент казался подозрительным. Каждый взгляд — слишком долгим. Один мужчина средних лет, заказывая чай, пробормотал что-то на языке, которого я не знала. Но слова отозвались в моей голове эхом, и на секунду — всего на секунду — я поняла их.

«Возрождённая. Она вернулась.»

Но когда я попросила повторить, он растерянно улыбнулся и перешёл на английский, будто ничего не произошло.

К концу смены голова раскалывалась. Виски пульсировали в такт сердцебиению. Кожа зудела, словно под ней ползали невидимые насекомые. Я хотела только одного — пойти домой, принять душ и забраться под одеяло.

Но я обещала Хлое.

— Иди, солнышко, — Мэгги толкнула меня к выходу в шесть вечера. — Празднуй. Молодость не вечна.

Я вышла на улицу. Дождь усилился, превратился в ливень. Холодные капли били по лицу, промочили куртку за секунды. Я подняла капюшон, зашагала к автобусной остановке.

Улицы Сиэтла были заполнены людьми, спешащими домой. Я шла среди толпы, но чувствовала себя одинокой. Отдельной. Словно между мной и остальным миром была невидимая стена.

Ты не принадлежишь сюда.

Мысль пронзила, как ледяной клинок.

Никогда не принадлежала.

Автобус пришёл с опозданием. Я села у окна, прижалась лбом к холодному стеклу. Город мелькал за окном — огни, люди, машины. Жизнь.

А я была призраком в этой жизни.

Дома я простояла под душем двадцать минут. Горячая вода не помогала. Холод сидел глубоко, в костях, в самой душе.

Когда вышла, на телефоне было пять пропущенных от Хлои и одно сообщение:

«Если ты не придёшь, я приеду к тебе и выволоку силой. Одевайся. СЕЙЧАС.»

Я посмотрела на себя в зеркало. Мокрые волосы прилипли к плечам. Кожа бледная, почти прозрачная. Под глазами тёмные круги. Я выглядела больной.

Или мёртвой.

— Хватит, — прошептала я своему отражению. — Соберись. Это просто один вечер.

Платье висело в шкафу — чёрное, короткое, с открытой спиной. Хлоя купила его полгода назад, настаивала, что оно создано для меня. Я ни разу его не надевала.

Сейчас натянула его с трудом. Ткань обтягивала тело, подчёркивала каждый изгиб. Я чувствовала себя обнажённой, уязвимой.

Не моё.

Но отражение...

Я застыла, глядя на девушку в зеркале.

Это была я. Но другая. Старше. Увереннее. Опаснее. Тёмные волосы падали на обнажённые плечи волнами. Зелёные глаза сверкали в полумраке, и в них было что-то дикое, необузданное.

Вот кто ты есть на самом деле.

Мысль пришла из глубины, из места, которого я не знала.

Не испуганная девочка. Не жертва. Охотница.

Я отвернулась от зеркала, схватила куртку и сумку. Пора. Хлоя ждёт.

На улице дождь не прекращался. Я поймала такси — роскошь, которую редко могла себе позволить, но сегодня ноги отказывались идти.

Водитель — пожилой мужчина с седой бородой — посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Куда едем, мисс?

— Eclipse. Центр города.

Он кивнул, тронулся с места. Город плыл за окном — размытый дождём, призрачный.

— Особенный вечер? — спросил водитель.

— День рождения.

— А, восемнадцать? — Он улыбнулся. — Знаменательный возраст. Всё меняется, когда тебе восемнадцать.

Уже второй человек сегодня говорит это.

— Почему все так думают?

Он пожал плечами.

— В некоторых культурах восемнадцать — это порог. Детство заканчивается. Начинается что-то новое. Иногда — хорошее. Иногда... — Он замолчал.

— Иногда что?

Водитель посмотрел на меня в зеркало. Его глаза были странными — слишком светлыми, почти белыми.

— Иногда начинается то, от чего не убежать. Судьба, знаете ли. Она терпеливая. Ждёт, пока ты созреешь. А потом... — Он щёлкнул пальцами. — Хватает.

Мурашки побежали по спине.

— Вы верите в судьбу?

— А вы? — парировал он.

Нет. Да. Не знаю.

— Не думала об этом.

— Подумаете, — тихо сказал он. — Сегодня ночью.

Такси остановилось у *Eclipse*. Неоновая вывеска мигала красным и фиолетовым. Очередь у входа растянулась вдоль здания. Музыка гремела даже снаружи — басы вибрировали в грудной клетке.

Я протянула водителю деньги. Он взял, но не отпустил мою руку.

— Будьте осторожны, мисс. — Его голос стал серьёзным. — Сегодня ночью завеса между мирами тонка. Вы увидите то, что не должны видеть. И они увидят вас.

— Кто *они*? — прошептала я.

Но он уже отпустил мою руку, отвернулся.

— Счастливого дня рождения.

Я вышла под дождь. Такси уехало, растворившись в потоке машин.

Что это было?

Хлоя выскочила из очереди, схватила меня в объятия.

— Наконец-то! — Она отстранилась, окинула меня взглядом. — О боже. Ты. Выглядишь. Убийственно. Я же говорила — это платье!

Её яркие рыжие волосы были уложены в локоны. Кожаная куртка, короткая юбка, высокие сапоги. Макияж безупречен. Она сияла.

— Ты тоже отлично выглядишь, — сказала я.

— Я всегда отлично выгляжу. — Она подмигнула. — Пошли. Рик меня знает, пропустит без очереди.

Охранник у входа — огромный мужчина с татуировками, покрывающими шею и руки — кивнул Хлое и посторонился.

— С днём рождения, — буркнул он мне.

Как он узнал?

Но я не успела спросить. Хлоя тащила меня внутрь, в пульсирующую тьму клуба.

Eclipse поглотил нас.

Музыка оглушала. Стробоскопы слепили. Масса тел двигалась в такт — единый организм, дышащий, пульсирующий. Запахи смешивались — алкоголь, пот, дорогие духи, что-то сладкое и приторное.

Я остановилась у входа, ошеломлённая. Слишком много. Слишком громко. Слишком...

— Дыши! — крикнула Хлоя мне в ухо. — Привыкнешь через минуту!

Она потащила меня к бару. Бармен — молодой парень с пирсингом в брови — уже готовил что-то, увидев Хлою.

— Два текила санрайз! — заказала она. — И побыстрее!

Коктейли появились через минуту. Яркие, градиентные — от красного к оранжевому. Красивые.

— За тебя! — Хлоя чокнулась со мной. — За восемнадцать лет! За лучшую ночь в твоей жизни!

Мы выпили. Алкоголь обжёг горло, разлился теплом в желудке. Потом ещё один. И ещё.

Постепенно напряжение отступило. Мышцы расслабились. Музыка перестала давить, превратилась в фон. Хлоя болтала без остановки — о парнях, которых заметила, о новом преподавателе в университете, о планах на выходные.

Я слушала вполуха, оглядывая клуб.

Люди танцевали, пили, целовались в тёмных углах. Обычная ночная жизнь. Ничего особенного.

Но что-то было не так.

Ощущение, что за мной наблюдают. Тяжёлое, пронзительное. Я обернулась, сканируя толпу.

Никого.

— Эй, ты меня слушаешь? — Хлоя толкнула меня.

— Да, извини. Просто...

— Что?

— Мне кажется, кто-то смотрит.

Хлоя усмехнулась.

— Детка, на тебя смотрят все мужики в радиусе десяти метров. В этом платье ты — оружие массового поражения.

Но это было не то. Не похотливые взгляды случайных парней. Это было... другое. Более интенсивное. Более личное.

Словно кто-то знал меня.

— Пошли потанцуем! — Хлоя схватила мою руку.

Танцпол был переполнен. Мы протиснулись в центр, и музыка поглотила нас. Я закрыла глаза, позволила телу двигаться. Алкоголь гудел в венах. На мгновение — только на мгновение — я почувствовала себя нормальной. Обычной восемнадцатилетней девушкой, танцующей в клубе.

Песня сменилась. Ритм замедлился — тёмный, гипнотический. Бас вибрировал в грудной клетке, как второе сердце.

Я открыла глаза.

И увидела его.

Время остановилось.

Мужчина стоял у барной стойки, в десяти метрах от меня. Высокий — намного выше толпы. Широкоплечий. Одет в чёрное — рубашка, джинсы, всё простое, но на нём это выглядело как доспехи.

Тёмные волосы были слегка растрёпаны, падали на лоб. Сильная челюсть. Резкие скулы. Губы, которые выглядели жестоко в покое.

И глаза.

Даже на расстоянии я видела их цвет — серый. Грозовой. Холодный, как сталь.

Невозможно.

Сердце ударило так сильно, что на секунду всё исчезло — музыка, люди, клуб. Осталось только оглушающее биение в ушах.

Я знала это лицо.

Знала.

Видела его каждую ночь. В огне. В смерти. В моих кошмарах.

Это был он.

Мужчина, который обнимал меня, пока пламя пожирало нас. Который шептал «*прости*» перед тем, как я умирала.

Он был здесь. Реальный. Живой.

Как это возможно?

Он не двигался. Просто стоял и смотрел. На меня. Только на меня. В его глазах было что-то — узнавание? боль? ужас?

Я сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Толпа расступалась, словно чувствуя, что между нами происходит что-то важное.

Он напрягся. Челюсть сжалась.

А потом развернулся и пошёл к выходу.

— Нет! — Слово вырвалось из меня. — Подожди!

Я бросилась за ним, расталкивая людей. Хлоя кричала что-то позади, но я не слушала. Не могла остановиться.

Он пропадал в толпе — чёрная фигура в море тел. Я протискивалась следом, теряя его из виду, снова находя.

Выход. Он толкнул дверь, вышел в дождливую ночь.

Я выбежала за ним.

Улица была пуста. Дождь лил стеной, превращая мир в размытое пятно. Фонари отражались в лужах.

— Стой! — крикнула я.

Он остановился. Стоял ко мне спиной, в двадцати метрах. Плечи напряжены. Дождь промочил его рубашку, ткань прилипла к мускулам.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Не уходи.

Медленно, очень медленно, он обернулся.

И когда наши взгляды встретились, мир взорвался.

ГЛАВА 2. НОЧЬ, КОТОРАЯ ВСЁ ИЗМЕНИЛА

Видение ударило, как физический удар.

Огонь. Повсюду огонь. Я стою на ступенях храма, смотрю, как рушится город. Пепел падает с неба. Он бежит ко мне, лицо искажено отчаянием.

«Аврелия!»

Это имя. Моё имя. Но не моё.

Его руки обхватывают меня. Губы находят мои. Поцелуй отчаянный, последний.

«Люблю тебя. Найду снова. Обещаю.»

Потом — пламя. Боль. Смерть.

Я задохнулась, пошатнулась. Колени подкосились. Я упала бы, но сильные руки поймали меня.

Его руки.

Прикосновение обожгло сильнее, чем огонь из видения. Электричество пробежало по коже, заставляя каждую клетку вспыхнуть. Я подняла голову.

Он держал меня, и в его серых глазах была целая буря. Боль, страх, что-то похожее на отчаяние. И под всем этим — узнавание.

Он знает.

— Кто ты? — выдохнула я.

Его челюсть сжалась. Пальцы впились в мои плечи — крепко, почти до боли.

— Уходи, — прорычал он. Голос низкий, хриплый, с акцентом, который я не могла определить. — Уходи отсюда. Сейчас.

— Нет. — Я схватила его рубашку. — Я видела тебя. Каждую ночь. В огне. Ты... ты говорил, что любишь меня. Что найдёшь снова.

Что-то промелькнуло в его глазах — настолько быстро, что я могла это представить.

— Это были сны, — сказал он жёстко. — Ничего больше.

— Ложь. — Слезы жгли глаза. Я не знала почему. Не знала этого человека. Но потеря, которую я чувствовала, была реальной, древней, глубокой. — Ты узнал меня. Я видела.

Он отпустил меня, отступил. Дождь лил между нами, холодный барьер.

— Ты ошибаешься.

— Тогда почему убегаешь?

— Потому что...

Он не договорил.

Воздух изменился.

Температура упала на десять градусов за секунду. Дыхание превратилось в пар. Дождь вокруг нас замедлился — капли повисли в воздухе, замороженные в падении.

Что за...?

Мужчина резко обернулся, глядя в темноту переулка слева от нас. Его тело напряглось, приняло стойку — воин, готовый к бою.

— Чёрт, — прорычал он. — Они уже здесь.

— Кто? — Страх сжал горло.

Он обернулся ко мне. В его глазах больше не было колебаний. Только холодная решимость.

— Слушай внимательно. Когда я скажу — беги. Не оборачивайся. Не останавливайся. Беги, и не возвращайся сюда.

— Но...

— БЕГИ!

Он толкнул меня назад, и в тот же момент из переулка вырвалась тьма.

Не метафорическая. Реальная. Живая тьма, принявшая форму.

Существо было огромным — почти три метра в высоту. Тело гуманоидное, но искажённое, неправильное. Слишком длинные руки. Слишком много суставов. Кожа чёрная, блестящая, как нефть. Вместо лица — провал, в котором горели два красных огня.

Глаза.

Существо открыло рот — слишком широкий, полный игольчатых зубов — и издало звук. Не рык. Не крик. Что-то среднее, что заставляло каждую клетку тела кричать: *опасность, беги, умрёшь.*

Я не могла двигаться. Страх парализовал. Ноги не слушались.

Это не реально. Не может быть реально.

Но оно было. Существо шагнуло вперёд, и бетон под его когтями треснул.

Мужчина встал между нами.

— Не сейчас, тварь, — прорычал он.

И его рука вспыхнула.

Свет. Серебряный, холодный, как лунный. Он материализовал откуда-то — из воздуха? из ничего? — длинный клинок. Меч. Лезвие покрывали странные руны, светящиеся тем же серебряным светом.

Невозможно.

Но меч был реален. И когда мужчина взмахнул им, лезвие прорезало воздух с тихим свистом, оставляя за собой шлейф света.

Существо бросилось вперёд — быстрее, чем должно было двигаться что-то настолько большое. Когти нацелились на горло мужчины.

Он уклонился — движение текучее, почти танцевальное — и нанёс ответный удар. Меч рассёк плечо твари. Не кровь, а что-то чёрное и вязкое брызнуло из раны, зашипело на мокром асфальте, как кислота.

Существо завывало — звук заставил меня зажать уши руками — и ударило снова. Когти встретились с лезвием. Металл против тьмы. Искры посыпались, серебряные и красные.

Мужчина отступил, скользя по мокрому асфальту. Его грудь вздымалась. Глаза не отрывались от противника.

— Я сказал — беги! — рявкнул он, не оборачиваясь.

Но я не могла. Ноги вросли в землю. Это было нереально. Невозможно. Существа из тьмы. Мечи из света. Всё это не существовало.

Но видишь же.

Тварь атаковала снова. На этот раз — с двух сторон сразу. Руки удлинились, суставы хрустнули, изогнулись под невозможными углами.

Мужчина крутнулся, меч стал размытым кругом света. Одна рука твари отсечена. Потом вторая. Чёрная субстанция фонтаном хлынула из обрубков.

Но существо не остановилось. Оно росло. Раны затягивались, новые конечности вырастали из туловища. Четыре руки. Шесть. Восемь.

— Блядь, — выдохнул мужчина. — Регенератор.

Он отступил, оказался рядом со мной. Его свободная рука схватила меня за запястье.

— Когда я скажу три, прыгай влево. Понятно?

— Я не...

— ПОНЯТНО?

Я кивнула, не в состоянии говорить.

Тварь взревела и ринулась на нас — все восемь рук раскинуты, пасть распахнута, красные глаза горят.

— Раз.

Мир замедлился. Я видела каждую деталь — капли дождя, застывшие в воздухе. Отражение неоновых светов на чёрной коже существа. Напряжённые мышцы мужчины рядом.

— Два.

Существо в трёх метрах. Два. Один.

— ТРИ!

Он толкнул меня влево с такой силой, что я покатила по асфальту. Локоть вспыхнул болью, ладони ободрало. Но я видела.

Видела, как он прыгнул вперёд, под руки твари. Меч в его руке вспыхнул ярче — ослепительно, нестерпимо. И он вонзил лезвие в центр груди существа.

— Возвращайся в Бездну! — прорычал он.

Тварь замерла. Красные глаза расширились. Потом — взрыв.

Не звука. Не огня. Тьма. Волна абсолютной черноты хлынула из существа, поглощая свет, тепло, сам воздух. Я не могла дышать. Не могла видеть. Не могла...

А потом всё кончилось.

Тьма схлопнулась, втянулась обратно в раскрывшуюся под существом дыру в асфальте. На секунду я увидела то, что было за пределами реальности — бесконечную пустоту, наполненную шёпотом и движением. Место, где не было света.

Бездна.

Потом дыра захлопнулась. Существо исчезло. Остались только следы когтей на асфальте и чёрные пятна, которые медленно растворялись под дождём.

Мужчина стоял, опираясь на меч. Грудь вздымалась. Рубашка была разорвана в нескольких местах, под тканью виднелись порезы. Кровь. Его кровь. Красная, обычная. Человеческая.

Я медленно поднялась на ноги. Руки тряслись. Всё тело тряслось.

— Что... что это было? — прошептала я.

Он не ответил. Меч в его руке начал растворяться — свет померк, металл превратился в дым, исчез.

— Что это было?! — Мой голос сорвался на крик.

Он обернулся. Дождь смыл кровь с его лица, но усталость осталась. И что-то ещё. Вина.

— То, от чего я пытался тебя защитить, — тихо сказал он.

— Защитить? — Я сделала шаг к нему. — Я ничего не понимаю! Что это за тварь? Откуда у тебя меч? Почему ты... почему я...

Слова путались. Мир шатался под ногами.

Он шагнул ближе, протянул руку, будто хотел коснуться моего лица. Потом остановился, опустил руку.

— Тебе нельзя было меня видеть, — прошептал он. — Не сегодня. Не сейчас. Чёртова судьба...

— Кто ты?

Долгая пауза. В его глазах боролись эмоции — слишком много, слишком быстро, чтобы различить.

— Дэймон, — наконец сказал он. — Меня зовут Дэймон.

Дэймон.

Имя отозвалось эхом в моей голове, в груди, глубже — в душе. Знакомое. Правильное. *Дамиан. Дэймон. Одно и то же. Всегда одно и то же.*

— Я знаю тебя, — прошептала я.

— Нет.

— Знаю. — Шаг ближе. — Ты был в моих снах. Каждую ночь. Мы были... мы...

— Это неважно.

— Неважно?! — Гнев прорвался сквозь страх. — Я схожу с ума месяцами! Каждую ночь вижу, как умираю в огне! Как ты обнимаешь меня и просишь прощения! А теперь ты стоишь здесь, реальный, и говоришь, что это неважно?!

— Аделина...

Я замерла.

— Откуда ты знаешь моё имя?

Его челюсть сжалась. Он отвернулся.

— Уходи. Пока не поздно.

— Слишком поздно! — Я схватила его за руку. Прикосновение снова обожгло, но я не отпустила. — Эта тварь напала на меня! Что это было? Почему?

— Демон, — сказал он устало. — Низший. Следопыт, скорее всего. Они чувствуют... определённых людей.

— Каких людей?

— Тех, кто не должен существовать.

Холод пробежал по спине.

— Что?

Дэймон обернулся, посмотрел на меня. В его глазах была боль — старая, глубокая.

— Ты умирала, Аделина. Много раз. Больше, чем должен любой человек. И каждый раз возвращалась. Это... неправильно. Нарушает законы. Демоны чувствуют это. Они приходят за теми, кто нарушает порядок.

Я покачала головой.

— Это безумие.

— Да. — Он усмехнулся — без юмора, горько. — Добро пожаловать в мой мир.

Звук шагов. Быстрых, уверенных. Я обернулась.

Из темноты переулка появились трое. Двое мужчин и женщина. Все одеты в тёмное, всё в них кричало об опасности.

Женщина была первой — высокая, спортивного телосложения, короткие чёрные волосы, шрам через левую бровь. Холодные карие глаза оценили меня за секунду.

— Нашёл её, — сказала она Дэймону. Не вопрос. Утверждение.

— Кира, не сейчас, — буркнул он.

— Демонический след по всему району, — продолжила она, игнорируя его тон. — Низший регенератор. Ты справился?

— Да.

— Один?

— Да.

Она посмотрела на меня снова. Изучающий взгляд, в котором читалось... любопытство? подозрение?

— Значит, это она, — тихо сказала женщина. — Восемнадцатая.

Второй мужчина шагнул вперёд — старше остальных, лет сорока, седые виски, умные глаза за очками в тонкой оправе. На нём был длинный плащ, промокший от дождя.

— Аделина Вейн, — произнёс он. — Родилась восемнадцать лет назад в Сиэтле. Сирота. Нет семьи, нет привязанностей. Кошмары начались в пятнадцать, усилились в последние полгода.

Я отступила.

— Откуда вы это знаете?

— Мы наблюдали, — спокойно ответил он. — Давно. Ждали этого дня.

— Маркус, — предупреждающе сказал Дэймон.

Но мужчина продолжил:

— Твоё восемнадцатилетие — триггер. Печать ослабевает. Воспоминания возвращаются. И демоны чувствуют.

— Какая печать? Какие воспоминания? — Голова кружилась. — Кто вы?

Третий человек — молодой парень, лет двадцати пяти, светлые волосы, мягкие черты лица — шагнул ближе. Его взгляд был добрым, сочувствующим.

— Мы Стражи, — тихо сказал он. — Защитники границы между мирами. Охотники на демонов. И... твоё охрана. Много лет.

— Лиам, заткнись, — рявкнула женщина — Кира.

— Она имеет право знать!

— Она не готова.

— Когда же она будет готова, Кира? Демоны уже охотятся!

— Достаточно, — голос Дэймона прорезал спор. Тихий, но с такой властью, что все замолчали. Он обернулся ко мне. — У тебя два выбора. Первый — уходи. Забудь, что видела. Мы сделаем так, что демоны не найдут тебя... какое-то время.

— Какое время?

— Дни. Может, недели.

— А потом?

Его молчание было ответом.

— Второй выбор? — прошептала я.

— Иди с нами. Узнай правду. Прими то, кто ты есть. — Он протянул руку. — И борись. Я смотрела на его ладонь. Большую, покрытую шрамами. Руку воина. Руку человека, который держал меня в сотнях снов.

Это безумие. Всё это — безумие.

Но демон был реален. Меч был реален. Эти люди — реальные.

И что-то глубоко внутри, в месте, куда я боялась заглядывать, говорило: *ты знаешь. Всегда знала. Просто боялась признать.*

Дождь лил. Город шумел вдалеке. Обычный мир, в котором я больше не могла притворяться, что живу.

Я посмотрела Дэймону в глаза. Серые, как гроза. Знакомые, как собственное отражение.

— Если я пойду с вами, — медленно проговорила я, — вы расскажете всё? Не будете лгать?

— Всё, — кивнул он.

— И кошмары... они настоящие?

Боль промелькнула в его взгляде.

— Да. Это воспоминания.

— О чём?

— О твоих смертях.

Слова упали, как камни в воду. Тяжёлые. Окончательные.

Семнадцать смертей. Семнадцать жизней.

Я протянула руку, коснулась его ладони.

Электричество пробежало по коже. Видение вспыхнуло — краткое, как фотография.

Мы стоим на крыше, город горит внизу. Другая эпоха, другая одежда. Но его лицо то же самое. И мои слова те же самые:

«Найди меня. Обещай, что найдёшь.»

«Всегда, — шепчет он, прижимая меня к себе. — Я найду тебя. Каждый раз.»

Видение рассеялось. Я стояла под дождём, его рука держала мою. Реальность. Здесь и сейчас.

— Я пойду, — прошептала я.

Облегчение промелькнуло на его лице — мгновенное, быстро скрытое за маской безразличия.

— Тогда пошли. Здесь небезопасно.

Кира достала ключи от машины.

— Чёрный внедорожник, квартал отсюда. Маркус, проверь периметр. Лиам, прикрывай тыл. Дэймон...

— Я с ней, — оборвал он.

Что-то промелькнуло в глазах Киры — понимание? осуждение? Но она кивнула.

Мы пошли. Быстро, почти бегом. Переулками, избегая главных улиц. Дэймон не отпускал мою руку. Его пальцы были тёплыми, несмотря на холод и дождь.

— Хлоя, — внезапно сказала я, останавливаясь. — Я оставила её в клубе. Она будет волноваться.

— Лиам, — коротко бросил Дэймон.

Светловолосый парень кивнул, достал телефон.

— Как её фамилия?

— Харрис. Хлоя Харрис.

Его пальцы заплясали по экрану.

— Нашёл профиль. Сейчас... — Он что-то набрал. — Отправил сообщение от тебя. Что случилась срочная семейная ситуация, ты уехала, созвонитесь завтра.

— Но у меня нет семьи.

— Она не знает этого точно, — спокойно ответил Лиам. — Плюс, завтра ты действительно позвонишь. Всё будет в порядке.

Мы добрались до внедорожника — массивный чёрный джип с тонированными стёклами. Маркус уже сидел на переднем сиденье, что-то печатая на ноутбуке. Кира села за руль.

— Назад, — приказала она.

Дэймон открыл заднюю дверь, жестом показал мне садиться. Я забралась внутрь, он сел рядом. Лиам устроился с другой стороны.

Машина тронулась. Город поплыл за окнами — размытый дождём, нереальный. Я прижалась к холодной двери, обхватила себя руками.

Только сейчас до меня дошло. Я сидела в машине с незнакомцами. Незнакомцами, которые знали моё имя, мою жизнь, мои кошмары. Которые сражались с демонами. Которые говорили о моих прошлых жизнях, как о чём-то обыденном.

Что я наделала?

— Ты в безопасности, — тихо сказал Дэймон, словно прочитав мысли.

Я посмотрела на него. В тусклом свете салона его лицо казалось резче, старше. Шрамы, которые я не заметила раньше — тонкая линия на скуле, другая у виска.

— Откуда мне знать?

— Потому что я не дам тебе умереть. — Его голос был железным. — Не в этот раз.

— *В этот раз?* — Я уставилась на него. — То есть раньше... ты позволял?

Боль. Снова эта боль в его глазах, которая заставляла что-то сжиматься в груди.

— Не позволял. Не мог остановить. — Его рука сжалась в кулак. — Каждый раз я пытался. Каждый раз терпел неудачу.

— Семнадцать раз, — прошептала я. — Тот мужчина в такси... он сказал, что судьба хватает, когда ты готов. Это правда? Я умру снова?

— Нет, — рявкнул Дэймон так резко, что Лиам вздрогнул. — Восемнадцатая жизнь — другая. Пророчество говорит...

— Мы не знаем точно, что говорит пророчество, — перебил Маркус с переднего сиденья, не отрываясь от ноутбука. — Текст фрагментарен. Интерпретации расходятся.

— Я знаю достаточно, — огрызнулся Дэймон.

— Знать и понимать — разные вещи.

— Может, хватит загадками? — Моё терпение лопнуло. — Какое, к чёрту, пророчество? Почему я умирала? Почему всегда в огне?

Тишина. Только шум дождя по крыше и свист ветра.

Наконец заговорила Кира:

— Две тысячи лет назад была война. Не человеческая. Между силами света и тьмы, Стражами и демонами. Граница между мирами была тоньше тогда. Существа из Бездны свободно проникали в наш мир. — Она повернула руль, свернула на пустую улицу. — Была девушка. Сильная. Одна из первых Стражей. Её душа горела ярче других. И один из демонов... влюбился в неё.

У меня перехватило дыхание.

— Азраэль, — прошептал Дэймон. — Падший ангел. Князь Бездны.

— Он хотел забрать её в свой мир, — продолжила Кира. — Сделать королевой тьмы. Но она отказалась. Любила другого. Смертного Стража.

Меня. Она говорит обо мне.

— Азраэль не смог этого принять, — голос Маркуса был сухим, академическим. — Наложил проклятие. Девушка будет реинкарнировать снова и снова. Каждая жизнь закончится смертью в огне — символ очищения, попытка стереть любовь к смертному из её души. И в каждой жизни её возлюбленный тоже будет возрождаться, связанный с ней.

— Чтобы я страдал, — тихо добавил Дэймон. — Чтобы каждый раз находил её, влюблялся и смотрел, как она умирает. Идеальное наказание.

Я не могла дышать. Всё это было слишком. Слишком огромно, слишком невозможно.

— Семнадцать раз, — прошептала я. — Я умирала семнадцать раз?

— Да.

— А ты... ты был там? Каждый раз?

Дэймон медленно кивнул.

— Древний Рим. Византия. Средневековая Франция. Викторианская Англия. Япония эпохи Мэйдзи. Сталинградская битва. — Его голос был ровным, но за каждым словом стояла боль. — Разные эпохи. Разные имена. Но всегда одна и та же судьба. Я находил тебя. Мы влюблялись. И ты умирала в огне.

Слёзы жгли глаза. Я не знала почему. Не помнила эти жизни. Но потеря была реальной, давила на грудь, не давала вдохнуть.

— Почему я не помню?

— Печать, — ответил Лиам. — Твоя бабушка была Стражем. Слабым, но знала ритуалы. Она наложила печать на твою душу, когда ты родилась. Чтобы защитить. Чтобы воспоминания не сокрушили тебя раньше времени.

— Но в восемнадцать печать ослабевает, — добавил Маркус. — Естественный процесс. Душа взрослеет, становится сильнее. Воспоминания начинают просачиваться. Отсюда кошмары.

— И демоны чувствуют, — закончила Кира. — Они всегда следили. Ждали момента, когда печать сломается и ты станешь уязвимой.

Машина остановилась. Я подняла голову.

Мы стояли перед старым складом на окраине города. Граффити на стенах, разбитые окна, заколоченные двери. Заброшенное место.

Но когда Кира нажала что-то на брелке, одна из стен сдвинулась в сторону, открывая проезд в подземный гараж. Тусклые лампы, бетонный пол, ещё несколько машин и мотоциклов.

— Добро пожаловать в штаб-квартиру, — сказал Лиам, открывая дверь.

Я вышла на дрожащих ногах. Дэймон сразу оказался рядом, придерживающая рука под локтём.

— Справишься? — тихо спросил он.

Нет.

— Да, — соврала я.

Мы прошли через гараж к металлической двери. Кира приложила руку к сканеру, дверь щёлкнула, открылась.

За ней был коридор. Чистый, хорошо освещённый. Стены белые, пол — серая плитка. Совсем не похоже на заброшенное здание снаружи.

— Иллюзия, — пояснил Маркус, заметив мой взгляд. — Чары маскировки. Снаружи здание выглядит разрушенным. Отпугивает любопытных.

Мы шли по коридору. Мимо нескольких дверей. Одна приоткрыта — я увидела комнату, похожую на арсенал. Оружие на стенах: мечи, ножи, луки, что-то, похожее на огнестрельное, но странное, покрытое рунами.

Другая дверь — библиотека. Стеллажи до потолка, заполненные книгами и свитками.

— Здесь живут Стражи, — объяснил Лиам. — Наша база. Тренировочные залы, жилые помещения, исследовательская лаборатория. Всё необходимое для борьбы с демонами.

— Сколько вас?

— В Сизтле — двенадцать активных Стражей, — ответила Кира. — По всему миру — около тысячи. Немного, учитывая, что демонов легион.

Мы вошли в большую комнату. Что-то вроде гостиной — диваны, столы, большой экран на стене, на котором отображалась карта города с мигающими точками.

— Демоническая активность, — пояснил Маркус, кивнув на экран. — Красные точки — подтверждённые появления. Жёлтые — подозрительные. Синие — закрытые порталы.

Много красных. Слишком много.

— Обычно столько?

— Нет, — Дэймон посмотрел на карту, его лицо потемнело. — Активность выросла в три раза за последний месяц. Они готовятся к чему-то.

— К чему?

Он посмотрел на меня.

— К тебе.

Холод сжал сердце.

— Почему?

— Потому что ты — Восемнадцатая, — Маркус снял очки, протёр их. — Пророчество туманно, но одна строка ясна: *«Восемнадцатая не умрёт, как прежние. Она разорвёт цепи или сгорит окончательно. С ней падёт Страж. С ней падёт Князь. Выбор её — конец или начало».*

Тишина. Давящая, тяжёлая.

— То есть... — Мой голос дрожал. — Я либо уничтожу проклятие, либо умру навсегда? И при этом кто-то из вас умрёт тоже?

— Упрощённо, но да, — кивнул Маркус.

Я посмотрела на Дэймона. Он не отводил взгляд. В его серых глазах было решение — твёрдое, непоколебимое.

— Ты умрёшь за меня, — прошептала я. — Ты *Страж* из пророчества.

— Да.

— И ты согласен с этим?

— Если это спасёт тебя? — Он шагнул ближе. — Без колебаний.

— Но...

— Семнадцать раз я смотрел, как ты умираешь, Аделина. — Его голос был низким, хриплым. — Семнадцать раз я ничего не мог сделать. Если в этой жизни я могу изменить это, пожертвовав собой... — Он коснулся моего лица, пальцы скользнули по щеке — невесомо, бережно.

— ...тогда я сделаю это без сожалений.

Его прикосновение жгло. Не больно. Но интенсивно, пронзительно, будто каждая клетка моего тела откликалась на него. Я закрыла глаза, и на секунду — всего на секунду — я увидела.

Другое лицо. Моё, но не совсем. Рыжие волосы — яркие, как пламя — развеваются на ветру. Римская туника. Его руки обхватывают меня. Губы шепчут на древнем языке: «Моя Аврелия. Моя огненная душа».

Я распахнула глаза, отстранилась.

— Рыжие, — выдохнула я. — В прошлых жизнях у меня были рыжие волосы.

Что-то промелькнуло в глазах Дэймона — удивление? облегчение?

— Да. Всегда. Цвет пламени. — Он отступил, опустил руку. — Твоя бабушка изменила его при рождении. Магия. Ещё одна часть печати. Чтобы тебя было сложнее найти.

Я схватила прядь своих тёмно-каштановых волос, смотрела на неё. Вся моя жизнь я думала, что знаю, как выгляdü. Но даже это было ложью.

— Печать снимается? — спросила я глухо.

— Постепенно, — ответил Маркус. — С каждым днём твоя истинная природа будет проявляться сильнее. Волосы изменят цвет. Сила пробудится. Воспоминания вернутся полностью.

— Как быстро?

— Дни. Может, недели. У каждого индивидуально.

Я опустилась на диван. Ноги больше не держали. Голова кружилась. Всё это — слишком много. Прошлые жизни, проклятия, демоны, пророчества.

Ещё вчера моей главной проблемой было написать эссе по истории искусств.

Лиам присел рядом, протянул стакан с водой. Я взяла, сделала глоток. Вода была холодной, настоящей. Якорь к реальности.

— Знаю, это шок, — тихо сказал он. — Но ты не одна. Мы поможем. Научим сражаться, контролировать силу.

— Какую силу?

— Огонь, — просто ответила Кира. — В каждой жизни ты была пиромантом. Контролировала пламя. В этой жизни способность спит, но скоро проснётся.

Огонь.

Конечно. Всегда огонь.

— А если я не хочу? — Я посмотрела на них. — Если я хочу просто... жить? Обычной жизнью?

— Невозможно, — жёстко сказала Кира. — Демоны не остановятся. Азраэль не остановится. Тебе восемнадцать. Печать рушится. Ты маяк для них теперь. Либо научишься защищаться, либо умрёшь.

— Кира, — предупреждающе произнёс Дэймон.

— Что? — Она развернулась к нему. — Хочешь снова её нянчить? Прятать от правды? Мы оба знаем, чем это заканчивается.

Напряжение между ними было ощутимо. Дэймон сжал челюсть, но ответил ровно:

— Она только узнала. Дай ей время.

— Времени нет. Демоны активизировались. Азраэль чувствует её пробуждение. Каждый день промедления...

— Достаточно!

Голос Дэймона прогремел, отозвался эхом от стен. Все замолчали.

Он подошёл ко мне, опустил на колено, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Ты права. Это несправедливо. Ты не просила об этом. Не заслужила. — Его голос был мягким, но твёрдым. — Но судьба не спрашивает разрешения. Она уже здесь. Демон сегодня ночью — первый из многих. Они придут снова. И если ты не готова... — Он замолчал, боль

промелькнула в глазах. — Я не позволю тебе умереть. Снова. Даже если это означает держать тебя здесь силой.

— Ты не можешь меня держать, — прошептала я.

— Могу. И буду. — Он коснулся моей руки. — Прости. Но в семнадцатый раз я потерял тебя, потому что был слишком мягок. Не в этот раз.

Гнев вспыхнул — яркий, горячий.

— Ты не владеешь мной.

— Нет. Но я защищу тебя. Даже от самой себя.

Я выдернула руку, вскочила.

— Идите к чёрту. Все. — Я развернулась к двери. — Я уйду.

Кира встала на пути.

— Нет.

— Посмотрим.

Я шагнула к ней. Женщина была выше, сильнее, обучена. Я не имела шансов. Но ярость затопила разум, заглушила страх.

Кира подняла руку — не агрессивно, останавливающий жест.

— Не надо. Ты не готова драться со мной.

— Отойди.

— Нет.

Что-то внутри щёлкнуло.

Тепло разлилось по венам — внезапное, интенсивное. Не снаружи. Изнутри. Как будто в груди зажгли печь. Руки засветились — слабо, едва заметно, но я видела. Золотые искры плясали на кончиках пальцев.

— Чёрт, — выдохнул Лиам.

Кира отступила, её рука потянулась к ножу на поясе.

— Аделина, успокойся...

— Я сказала — отойди!

Пламя вспыхнуло. Не большое — размером с кулак, — но настоящее. Танцевало в моей ладони, живое, горячее.

Я смотрела на него, замороженная и ужасающаяся одновременно.

Я делаю это. Я создала огонь.

— Отлично, — сухо сказал Маркус. — Пробуждение силы раньше, чем ожидалось. Типично.

Дэймон оказался рядом в мгновение — так быстро, что я не видела, как он двигался. Его рука накрыла мою. Пламя погасло, будто его и не было.

— Дыши, — тихо сказал он. — Сила реагирует на эмоции. Гнев, страх — топливо для огня. Дыши и отпусти.

Я смотрела на наши соединённые руки. Его кожа не обожжена. Он даже не вздрогнул.

— Как... как ты...?

— Я Страж. Огонь не ранит меня. — Он медленно разжал мои пальцы. — Особенно твой.

Ноги подкосились. На этот раз я бы упала, но Дэймон поймал меня, подхватил на руки — легко, будто я ничего не весила.

— С неё хватит на сегодня, — сказал он остальным. — Отведу в комнату. Пусть отдохнёт.

Кира открыла рот, чтобы возразить, но Маркус остановил её жестом.

— Он прав. Шок, эмоциональная перегрузка, первое проявление силы. Ей нужен отдых, или мы получим неконтролируемый выброс.

Дэймон понёс меня из комнаты. Я не сопротивлялась. Усталость навалилась как одеяло — внезапная, тяжёлая. Создание пламени вытянуло все силы.

Коридор. Лестница. Ещё один коридор. Всё расплывалось. Я слышала его сердцебиение — ровное, сильное. Ощущала тепло его тела. Запах — дождь, что-то терпкое, как кедр, и под этим — что-то своё, узнаваемое.

Дом.

Он пахнет как дом.

Абсурдная мысль. Я не знала этого человека. Но какая-то древняя часть меня — та, что жила семнадцать раз, — узнавала его в каждой клетке.

Дверь. Комната. Небольшая, но уютная. Кровать, шкаф, окно с тяжёлыми шторами. Дэймон осторожно опустил меня на кровать.

— Отдохни. Утром поговорим.

Он развернулся к выходу. Я схватила его за руку.

— Не уходи.

Он замер. Секунда. Две. Потом медленно обернулся.

— Аделина...

— Пожалуйста. — Голос дрожал. — Я не хочу быть одна. Не сегодня. Не после... — Я не могла договорить. Слезы жгли глаза.

Дэймон закрыл глаза, глубоко вздохнул. Когда открыл, в них была решимость — и что-то ещё. Нежность, болезненная, осторожная.

— Хорошо. — Он присел на край кровати. — Я останусь.

Я легла, не раздеваясь. Платье было мокрым, неудобным, но я не могла заставить себя пошевелиться. Дэймон накрыл меня пледом, заботливо, как ребёнка.

— Спи. Я буду рядом.

— Обещаешь?

— Всегда.

Глаза закрывались сами. Усталость тянула вниз, в темноту. Последнее, что я почувствовала — его рука, сжимающая мою. Якорь. Защита.

Семнадцать жизней. Семнадцать смертей.

И он был рядом в каждой.

Сон накрыл меня, и на этот раз — в первый раз за месяцы — кошмары не пришли.

ГЛАВА 3. НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Я проснулась от запаха кофе.

Секунду лежала неподвижно, пытаюсь сориентироваться. Незнакомая комната. Незнакомая кровать. Свет пробивался сквозь щели в шторах — дневной, яркий.

Где я?

Память вернулась лавиной. Клуб. Дэймон. Демон. Стражи. *Огонь в моей ладони.*

Я села резко, сердце забилося учащённо. Посмотрела на руки — обычные, без следов пламени. Всё ещё моё тело. Всё ещё моя жизнь.

Или больше нет?

Дверь была приоткрыта. За ней слышались голоса — приглушённые, но различимые.

— ...слишком быстро. Печать должна была держаться минимум неделю. — Маркус, узнаваемый сухой тон.

— Эмоциональный стресс ускорил процесс. — Лиам, мягче. — Плюс, первый контакт с Дэймоном. Их души связаны. Его близость катализатор.

— Тогда держи его подальше. — Кира, резко.

— Невозможно. — Дэймон, голос жёсткий. — Я не оставляю её.

— Твоя одержимость ею — проблема.

— Моя *любовь* к ней — единственная причина, по которой она ещё жива.

— А сколько раз эта любовь убивала её? — Едкий вопрос Киры. — Может, если бы ты держался на расстоянии, проклятие...

Звук удара. Не сильного, но чёткого. Я вздрогнула.

— Ещё раз скажешь это, и я забуду, что ты моя сестра. — Голос Дэймона был опасно тихим.

Сестра?

— Достаточно, — встрял Маркус. — Мы не враги. Цель одна — защитить Аделину. Разногласия в методах не должны нас разделять.

Тишина. Напряжённая.

— Она проснулась, — вдруг сказал Лиам.

Шаги. Дверь распахнулась.

Дэймон стоял на пороге. В дневном свете он выглядел... другим. Усталым. На скуле синяк — свежий. От демона?

— Доброе утро, — сказал он тихо. — Как спалось?

— Нормально. — Я откинула плед, встала. — Впервые за месяцы без кошмаров.

Что-то промелькнуло в его глазах — облегчение? удовлетворение?

— Близость к тем, кто связан с твоей душой, успокаивает подсознание. — Он протянул кружку. — Кофе. Чёрный, как ты любишь.

Я взяла кружку, остановилась.

— Откуда ты знаешь, как я пью кофе?

— Я...

— Ты следил за мной. — Не вопрос. Утверждение. — Как долго?

Дэймон сжал челюсть.

— С твоего рождения.

Кружка чуть не выскользнула из рук.

— Восемнадцать лет? Ты наблюдал за мной восемнадцать лет?

— Не постоянно. Мы менялись. Кира, Лиам, я. Издалека. Чтобы убедиться, что демоны не...

— Ты сталкер. — Гнев вспыхнул, горячий, знакомый. — Ты, блядь, преследовал меня всю мою жизнь!

— Я защищал тебя!

— Без моего согласия! Без моего ведома! — Я поставила кружку так резко, что кофе расплескался. — У тебя не было права!

— У меня не было выбора! — Он шагнул ближе, глаза горели. — Ты думаешь, мне нравилось? Видеть тебя, но не иметь возможности подойти? Смотреть, как ты растёшь, живёшь, смеёшься с другими людьми, зная, что я не могу быть частью этого?

— Тогда зачем?!

— ПОТОМУ ЧТО Я НЕ МОГУ ПОТЕРЯТЬ ТЕБЯ СНОВА!

Его крик отозвался эхом. В коридоре за дверью стало тихо.

Дэймон отвернулся, провёл рукой по волосам. Плечи напряжены, спина — прямая линия боли.

— Извини, — выдохнул он глухо. — Не хотел кричать. Но ты должна понять. Семнадцать раз я находил тебя слишком поздно. Когда проклятие уже активировалось, когда демоны уже охотились. Каждый раз я думал: если бы я был рядом раньше, если бы я защищал с самого начала... — Он обернулся, и в его глазах была такая боль, что дыхание перехватило. — В этой жизни я поклялся: буду рядом с первого дня. Даже если ты меня ненавидишь.

Тишина.

Гнев медленно отступал, оставляя странную пустоту. Я смотрела на этого человека — незнакомого и до боли знакомого одновременно — и не знала, что чувствовать.

— Я не ненавижу тебя, — тихо сказала я. — Не знаю, что чувствую. Всё это... слишком.

— Знаю.

— Мне нужно время.

— Сколько хочешь.

— И пространство.

Он кивнул, хотя что-то в его глазах потемнело.

— Но не уходи. — Слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать. — Из здания. Просто... не исчезай. Пожалуйста.

Напряжение в его плечах ослабло.

— Не исчезну. Обещаю.

Он вышел, тихо прикрыв дверь.

Я опустилась на кровать, обхватила голову руками. Что я делаю? Ещё вчера я была обычной студенткой. А теперь... что? Реинкарнация древней воительницы? Пиромант? Проклятая душа, за которой охотятся демоны?

Это безумие.

Но огонь в моей ладони вчера был реален. Демон был реален. Всё это — реально.

Взгляд упал на зеркало напротив кровати. Я встала, подошла ближе.

То же лицо. Те же зелёные глаза. Те же тёмные волосы.

Или нет?

Я наклонилась ближе. У корней — едва заметно — проступал другой цвет. Рыжий. Не яркий пока, но заметный. Печать рушилась. Моя истинная природа проявлялась.

Кто я?

Аделина Вейн или Аврелия из Древнего Рима?

Обе? Ни одна?

Стук в дверь.

— Войдите.

Дверь открылась. Лиам, с подносом в руках.

— Принёс завтрак. Думал, ты голодная.

Желудок предательски заурчал. Я не ела со вчерашнего обеда.

— Спасибо.

Он поставил поднос на маленький столик у окна. Яичница, тосты, фрукты, свежевыжатый сок. Нормальная человеческая еда. Якорь к нормальности.

— Можно я посижу? — спросил Лиам. — Или тебе нужно побыть одной?

— Сиди.

Он устроился на стуле. Я села напротив, начала есть. Еда была вкусной, но я едва чувствовала вкус.

— Кира — сестра Дэймона? — спросила я между глотками.

— Сводная. Один отец, разные матери. Оба — Стражи с рождения.

— И ты?

— Я? — Он усмехнулся. — Стал Стражем в двадцать. После того, как демон убил мою семью. Маркус нашёл меня, обучил. Это было пять лет назад.

— Мне жаль.

— Не надо. Я выбрал этот путь. Никто не заставлял. — Он посмотрел на меня внимательно. — А ты не выбирала. Это несправедливо.

— Жизнь редко справедлива.

— Мудрые слова для восемнадцатилетней.

— Старая душа, помнишь? — Я криво усмехнулась. — Хотя воспоминаний нет. Только кошмары.

— Они вернутся. Постепенно. Маркус говорит, обычно это происходит через триггеры. Места, люди, ситуации, которые были важны в прошлых жизнях.

— И что тогда? Я стану другим человеком?

— Нет. — Лиам наклонился вперёд, его голос стал мягким, убедительным. — Ты оста-
нешься собой. Аделиной. Просто... более полной версией. Со всем опытом и знаниями, кото-
рые собирала столетиями.

— Звучит страшно.

— Знаю. Но ты не одна. Мы поможем.

Я доела, откинулась на спинку стула.

— Почему вы это делаете? Все вы. Дэймон, ты, Кира, Маркус. Почему рискуете жизнями ради меня?

— Потому что это наша работа. Стражи защищают людей от демонов.

— Но я не обычный человек. Я... проклята. Приношу смерть всем вокруг. Может, было бы проще, если бы я просто...

— Не смей. — Голос Лиамы стал жёстким. — Не заканчивай эту фразу.

Я замолчала, удивлённая его реакцией.

— Знаешь, что сказал мне Дэймон, когда я хотел сдать-ся? После смерти моей семьи, когда я думал, что проще умереть, чем жить с болью? — Лиам посмотрел мне в глаза. — Он сказал: *«Боль означает, что ты жив. Жив означает, что можешь бороться. Бороться означает, что можешь победить. Но если сдашься, тьма выиграет. И все, кого ты любил, умрут зря»*. Эти слова спасли меня. Может, спасут и тебя.

Горло сжалось. Я кивнула, не доверяя голосу.

— Маркус хочет поговорить с тобой. — Лиам встал. — Когда будешь готова. В библиотеке. Он нашёл кое-что о пророчестве.

— Хорошее или плохое?

— Не знаю. Маркус умеет быть загадочным.

Он вышел. Я осталась одна.

Кое-что о пророчестве.

«Восемнадцатая не умрёт, как прежние. Она разорвёт цепи или сгорит окончательно».

Два варианта. Свобода или смерть. Третьего не дано.
Какой я выберу?

Не знаю. Но надо узнать больше.

Я встала, осмотрела комнату. В шкафу висела одежда — джинсы, футболки, толстовка.
Мой размер. Они действительно думали обо всём.

Или подготовились заранее. Потому что следили.

Мысль всё ещё задевала, но гнев угас. Они защищали. Даже если методы сомнительны.

Переоделась. Посмотрела на себя в зеркало. Обычная девушка в обычной одежде. Если не считать рыжие корни и золотой отблеск в зелёных глазах.

Аделина. Аврелия. Кто я?

Кем хочу быть?

Вопросы без ответов.

Вышла из комнаты. Коридор был пуст. Я пошла по памяти — вниз, направо, ещё раз направо. Дверь в библиотеку была приоткрыта.

Внутри Маркус сидел за массивным столом, окружённый книгами и свитками. Очки сползли на кончик носа. Он что-то яростно записывал в блокнот.

— Аделина. — Он поднял голову, кивнул на стул напротив. — Садись. Мне нужно тебе кое-что показать.

Я села. Стол был завален древними текстами. Некоторые выглядели так, словно рассыпятся от прикосновения.

— Всю ночь изучал источники, — начал Маркус. — Пророчество о Восемнадцатой упоминается в семи независимых текстах. Но есть один фрагмент, который мы раньше не могли расшифровать. Написан на мёртвом языке, диалект которого был утерян.

Он развернул ко мне пожелтевший пергамент. Странные символы покрывали его — похожие на руны, но более сложные.

— Я нашёл ключ к переводу вчера ночью. В византийском кодексе, который Стражи хранили веками. — Маркус снял очки, протёр их. — Перевод... тревожный.

— Насколько тревожный?

— *«Восемнадцатая придёт в ночь двойного лунного затмения. Печать падёт. Память вернётся. Сила пробудится. Но выбор её будет отравлен ложью. Тот, кого она любит, не тот, кем кажется. Тот, кого она боится, не тот, кем был. И тот, кто умрёт, выберет это сам».*

Мурашки пробежали по спине.

— Что это значит?

— Не уверен полностью. Но... — Маркус посмотрел на меня серьёзно. — Двойное лунное затмение происходит раз в пятьсот лет. Следующее — через две недели.

— Две недели? — Я вцепилась в край стола. — У меня есть только две недели?

— До пика событий. До момента, когда ты должна будешь сделать окончательный выбор.

— Какой выбор?!

— Разорвать проклятие или принять его. Освободиться или сгореть окончательно. — Его голос был мягким, но слова — беспощадными. — И судя по пророчеству, кто-то тебя обманывает.

— Кто?

— Не знаю. *«Тот, кого она любит, не тот, кем кажется».* Это может означать...

— Дэймона. — Моё сердце сжалось. — Ты думаешь, Дэймон лжёт мне.

— Я думаю, что пророчество предупреждает о предательстве. Кто это будет — Дэймон, Азраэль или кто-то ещё — неясно. Но ты должна быть осторожна. Не доверять слепо.

— Даже тебе?

Маркус замер, потом медленно улыбнулся — без юмора, печально.

— Особенно мне. Я изучаю пророчества тысячу лет, Аделина. Знаю больше, чем говорю. И то, что я знаю... — Он замолчал, посмотрел на пергамент. — Иногда знание — проклятие похуже твоего.

— Что ты скрываешь?

— То, что не должен говорить. Пока. — Он встретил мой взгляд, и в его глазах было что-то странное. Жалость? Вина? — Когда придёт время, ты поймёшь. Но если скажу сейчас, могу изменить события так, что всё станет только хуже.

— Это бредовая логика.

— Добро пожаловать в мир пророчеств. Здесь причина и следствие танцуют вальс, и один неверный шаг разрушает будущее.

Дверь распахнулась. Кира ворвалась, лицо напряжено.

— У нас проблема.

Маркус мгновенно был на ногах.

— Какая?

— Демоническая активность взлетела до небес. Двадцать три новых прорыва за последние два часа. Все в радиусе пятнадцати километров отсюда. — Она посмотрела на меня. — Они ищут её.

— Как близко? — Голос Маркуса был спокоен, но пальцы сжались на краю стола.

— Ближайший — три квартала. Дэймон и Лиам уже там. Но их слишком много. Нам нужно подкрепление.

— Вызывай всех. Активируй протокол Красный-Семь.

Кира кивнула, уже набирая что-то на телефоне, выходя.

Маркус обернулся ко мне.

— Оставайся здесь. Не выходи из здания ни при каких обстоятельствах. Защитные руны должны удерживать их, но...

— Но ты не уверен, — закончила я.

— Мы никогда не видели такой концентрации демонов. Если они объединят силы... —

Он не договорил. — Просто оставайся внутри. Пожалуйста.

Он ушёл почти бегом.

Я осталась одна в библиотеке, окружённая древними книгами и тяжёлым молчанием.

Они охотятся. На меня.

Двадцать три прорыва. За два часа.

Сколько демонов?

Страх пополз по спине, холодный, липкий. Я встала, подошла к окну. Через толстое стекло видела часть города — обычный серый Сиэтл, дождь, люди, спешащие по своим делам.

Они не знали. Не видели. Под поверхностью их мирного мира разворачивалась война.

Из-за меня.

Вина сжала горло. Дэймон там. Лиам. Кира. Все они рискуют жизнями, потому что я существую.

Может, было бы проще...

«Не смей. Если сдашься, тьма выиграет».

Слова Лиамы отозвались эхом.

Нет. Я не сдамся. Не знаю, кто я — Аделина или Аврелия — но я не позволю им умереть за меня, не сопротивляясь.

Я вернулась к столу, стала просматривать книги. Большинство на языках, которых я не знала. Латынь, древнегреческий, что-то похожее на арабский.

Но одна книга — тонкая, в потёртом кожаном переплёте — была на английском. Заголовок: «*Основы контроля пламени для начинающих пиромантов*».

Я открыла её. Первая страница:

«Огонь — не враг. Огонь — продолжение души. Он слушает того, кто понимает его природу. Урок первый: пламя рождается не из гнева. Гнев — лишь спичка. Истинный источник — воля».

Я прочитала дальше. Упражнения, техники, предупреждения. Всё написано простым языком, почти как учебник.

Может, я смогу научиться? Хотя бы немного?

Закрыла глаза, как советовала книга. Глубокий вдох. Представила огонь внутри — не бушующий костёр, а свечу. Маленькую, контролируемую.

«Воля. Не гнев. Воля».

Я протянула руку, ладонью вверх. Представила, что хочу — крошечное пламя, размером с монетку.

Тепло разлилось по венам. Не резкое, как вчера. Медленное, текучее. Я открыла глаза.

На ладони танцевало пламя. Маленькое, золотое, идеальное. Оно не жгло. Просто было. Часть меня.

Получилось.

Удивление. Восторг. Страх.

Я сосредоточилась, попыталась увеличить пламя. Оно выросло — до размера яблока. Потом ещё. Жар усилился, но не обжигал. Контролируемо.

Я делаю это. Я контролирую огонь.

Внезапно — звук. Громкий, резкий. Взрыв?

Здание содрогнулось. Книги посыпались с полок. Пламя в моей руке вспыхнуло неконтролируемо, стало размером с баскетбольный мяч.

— Нет, нет, нет! — Я попыталась его погасить, но паника только усиливала огонь.

Дверь распахнулась. Маркус, лицо бледное.

— Они прорвались. Защитные руны пали. — Он увидел пламя, выругался. — Туши! Сейчас!

— Не могу!

Он схватил мою руку, прижал к своей груди. Я почувствовала что-то — холодную волну магии, — и пламя погасло.

— Слушай внимательно. — Маркус говорил быстро, жёстко. — В здании минимум пять демонов. Может, больше. Дэймон и остальные возвращаются, но не успеют. Я задержу их, сколько смогу. Ты должна бежать.

— Куда?!

— Подвал. Третий уровень. Там старая система туннелей, ведёт к метро. Выйдешь в центре города, растворишься в толпе. — Он засунул мне в руку ключ-карту и телефон. — В телефоне один номер. Позвонишь, когда будешь в безопасности. Дэймон найдёт тебя.

— А ты?

— Я останусь. Кто-то должен дать тебе фору. — Он толкнул меня к двери. — Беги. Не останавливайся. Не оборачивайся.

— Маркус...

— БЕГИ!

Я побежала.

Коридор был погружён в хаос. Сигнализация выла. Красные огни вспыхивали. Где-то внизу слышались звуки боя — лязг металла, нечеловеческие вопли.

Я неслась по коридору, ноги несли сами. Лестница вниз. Один пролёт. Второй.

Третий уровень. Туннели.

Запах гари. Серы. Чего-то гниющего.

Я остановилась на площадке, тяжело дыша. Дверь с надписью «Подвал-3» была впереди. Десять метров. Пять.

Тень метнулась справа.
Я не успела среагировать.
Удар сбил с ног. Я покатилась, ударились спиной о стену. Воздух вылетел из лёгких.
Демон стоял надо мной. Не такой огромный, как вчера. Меньше, но быстрее. Гуманоидная фигура, обтянутая чёрной кожей. Длинные когти. Светящиеся красные глаза без зрачков.
Пасть раскрылась — слишком широко, полна игольчатых зубов.
Умру. Сейчас умру.
Восемнадцатый раз.
НЕТ.
Гнев вспыхнул. Жар разлился по венам.
«Огонь — продолжение души».
Я протянула руку. Не думала. Просто хотела.
Пламя вырвалось — не маленькое, не контролируемое. Огненная волна, размером с меня. Она врезалась в демона, окутала его. Тварь взвыла, попятилась.
Но этого было недостаточно. Она регенерировала. Кожа обугливалась и восстанавливалась.
Сильнее. Нужно сильнее.
Я встала, протянула обе руки. Закрыла глаза. Представила не просто огонь. Представила солнце. Чистое, белое пламя, которое не просто жжёт — уничтожает.
— ГОРИ!
Пламя взорвалось.
Не красное. Не оранжевое. Белое, ослепительное. Жар был невыносим, но я не чувствовала боли. Только силу.
Демон вспыхнул, как факел. Даже не успел закричать. Секунда — и от него остался только пепел, рассыпающийся на ветру, которого не было.
Тишина.
Я стояла, тяжело дыша, руки дрожали. Пламя погасло. Стены вокруг были обожжены, почернели. Но я — целая.
Я убила демона. Сама.
Восторг и ужас смешались в неразличимый ком.
Звук шагов. Быстрых. Я обернулась, готовая атаковать снова.
— Аделина! — Дэймон выбежал из-за угла, меч в руке, лицо перепачкано кровью. Увидел пепел, обожжённые стены. Посмотрел на меня. — Это ты?
Я кивнула, не доверяя голосу.
Что-то изменилось в его взгляде. Гордость? Страх?
— Белое пламя. — Он опустил меч. — Ты вызвала белое пламя при первом настоящем бое. Это... невозможно. Даже мастера пиромантии тренируются десятилетия.
— Я не знаю, как... просто хотела, и оно...
— Инстинкт. — Он подошёл, осторожно взял мои руки, изучая их. Кожа не обожжена.
— Твоя душа помнит, даже если разум нет. Семнадцать жизней опыта.
— Маркус послал меня бежать. Сказал, что задержит их.
Лицо Дэймона потемнело.
— Где он?
— Библиотека.
— Идём.
Мы побежали обратно. Наверх. По коридорам. Запах гари усиливался.
Дверь в библиотеку была разорвана с петель.
Внутри — хаос. Книги горели. Столы разбиты. И посреди всего этого — Маркус, на коленях, окружённый тремя демонами.

Кровь текла из раны на его голове. Очки разбиты. Но в руке он держал светящийся посох, которого раньше не было, и плел защитное заклинание — золотой барьер между ним и тварями.

— Прочь! — прорычал он, и барьер расширился, отбросил одного демона.

Но двое других атаковали с флангов.

Дэймон метнулся вперёд, меч взметнулся. Одна голова демона слетела. Чёрная кровь фонтаном.

Но второй демон быстрее. Когти пронзили барьер, нацелились на горло Маркуса.

Нет.

Я не думала. Протянула руку.

Огненный шар размером с кулак вылетел, врезался в демона. Тот взвыл, отлетел, врезался в стену.

Маркус обернулся, увидел меня. Облегчение мелькнуло на лице.

— Я же сказал — беги!

— Плохо слушаюсь приказов.

Третий демон, оправившийся от удара Дэймона, поднялся. Голова отросла заново — регенератор.

Дэймон выругался.

— Их слишком много. Нужно эвакуироваться.

— Туннели? — спросил Маркус.

— Заблокированы. Ещё два демона там.

— Тогда крыша. Вызови эвакуацию

Дэймон достал рацию, быстро говорил что-то кодами. Потом посмотрел на меня.

— Можешь повторить белое пламя?

— Не знаю. Может быть.

— Тогда прикрывай. Маркус, ты можешь идти?

Старший Страж поднялся, пошатнулся. Дэймон подхватил его.

— Веди, — кивнул Маркус.

Мы бежали. Демоны были за спиной. Я оглянулась — их было больше. Не три. Пять. Семь. Они множились, выползали из теней, как будто само здание рожало их.

— Не смотри назад! — рявкнул Дэймон. — Только вперёд!

Лестница. Наверх. Мышцы ног горели. Сердце бешено билось.

Четвёртый этаж. Пятый. Дверь с надписью «Крыша — только для персонала».

Дэймон ударил по ней ногой. Замок вылетел. Холодный ветер ворвался внутри, принёс дождь и запах города.

Мы выбежали на крышу.

Сиэтл расстилался внизу — огни, дождь, жизнь. Обычный мир, такой далёкий.

— Вертолёт будет через три минуты, — сказал Дэймон, помогая Маркусу сесть у вентиляционной шахты.

— У нас нет трёх минут, — прохрипел Маркус, глядя на дверь.

Оттуда выползали демоны. Медленно. Уверенно. Они знали — нам некуда бежать.

Дэймон встал между ними и мной, меч наготове.

— За мной. Не отходи.

Демоны атаковали.

Первый прыгнул — Дэймон встретил его в воздухе, лезвие пронзило грудь. Чёрная кровь брызнула.

Второй с флангов — я выбросила руку, огненный шар врезался в тварь. Она завывала, откатилась.

Третий, четвёртый, пятый — они шли волной.

Дэймон двигался как танцор смерти. Каждый удар точен, смертелен. Меч резал плоть, рассеивал тьму.

Но их было слишком много.

Коготь прорвался через защиту, полоснул по плечу Дэймона. Кровь — красная, человеческая — расцвела на рубашке.

— Дэймон!

— Я в порядке! — Он не остановился, продолжал сражаться.

Но я видела — он слабел. Кровь текла слишком быстро.

Нет. Не в этот раз. Не снова.

Ярость вспыхнула — не просто гнев. Нечто глубже, древнее. Память без образов. Чувство, которое я знала семнадцать жизней.

Он не умрёт за меня. НЕ В ЭТОТ РАЗ.

Я закрыла глаза. Протянула руки. И не просила огонь.

Я приказала.

Пламя взорвалось из меня — не направленное, всепоглощающее. Огненная волна размером со всю крышу, температурой, которая плавил металл.

Демоны вспыхнули как свечи. Их крики слились в единый вой ужаса.

Я слышала голос Дэймона — далёкий, встревоженный:

— Аделина, стой! Ты сожжёшь себя!

Но я не могла остановиться. Огонь был частью меня. Я была огнём.

Белое пламя поглотило крышу. Поглотило мир.

И где-то в глубине этого ада я услышала другой голос. Не Дэймона. Не Маркуса.

Мужской. Глубокий. С акцентом, которого не существует в человеческих языках.

«Моя Аврелия. Ты помнишь теперь? Помнишь, кем была? Кем можешь стать?»

«Приди ко мне. Прекрати бежать. Ты принадлежишь тьме, не свету. Всегда принадлежала».

Азраэль.

Его голос был соблазнителен, убедителен. Обещал силу. Конец боли. Вечность.

«Дэймон не спасёт тебя. Он никогда не спасал. Семнадцать раз он терпел неудачу. Но я... я никогда не отпущу».

Тьма шевельнулась на краю огня. Начала просачиваться сквозь пламя.

И я почувствовала это — ужасающее притяжение. Часть меня, спрятанная глубоко, откликалась на этот голос.

Узнавала его.

«НЕТ!»

Я разжала руки. Пламя погасло мгновенно, будто его и не было.

Крыша дымилась. Металл почернел. Демоны исчезли — только пепел кружил в воздухе.

Я упала на колени, изнемождённая.

Дэймон был рядом немедленно, обнимал меня, прижимал к груди.

— Ты в порядке? Аделина, посмотри на меня!

Я подняла голову. Его лицо было бледным, испуганным.

— Я слышала его, — прошептала я. — Азраэля. Он говорил со мной.

Дэймон замер. Что-то в его глазах — страх? гнев? — промелькнуло и исчезло.

— Что он сказал?

— Что я принадлежу ему. Что ты не спасёшь меня. — Я сжала его рубашку. — Дэймон, часть меня... часть меня хотела пойти к нему.

Молчание. Долгое, тяжёлое.

Потом он притянул меня ближе, уткнулся лбом в мою макушку.

— Я знаю, — выдохнул он так тихо, что я едва слышала. — Я всегда знал.

Прежде чем я смогла спросить, что он имеет в виду, звук винтов разрезал воздух.

Вертолёт завис над крышей. Кира выглянула из открытой двери, кричала что-то, но ветер заглушал слова.

Дэймон поднял меня на руки — я была слишком слаба, чтобы идти — и понёс к вертолёту.

Последнее, что я видела перед тем, как потерять сознание — город внизу, горящее здание за спиной.

И тьму. Сгущающуюся на горизонте, ползущую ближе.

Охотящуюся..

ГЛАВА 4. ТЁМНОЕ ПРОШЛОЕ

Запах антисептика. Белый свет. Тихое попискивание медицинского оборудования.

Я открыла глаза.

Потолок. Белый, безликий. Я лежала на больничной койке в небольшой комнате. Капельница в руке. Мониторы рядом показывали мой пульс — учащённый, но стабильный.

— Наконец-то.

Голос справа. Я повернула голову.

Кира сидела на стуле у стены, ноги закинута на соседний стул. В руках книга, но она не читала — смотрела на меня.

— Сколько я спала? — Горло пересохло, голос хриплый.

— Двадцать два часа.

— Что?!

— Магическое истощение. Ты выжгла энергию, которая накапливалась восемнадцать лет. Удивительно, что ты вообще жива. — Кира отложила книгу, встала, подошла. — Обычные пироманты после такого не просыпаются.

— Я не обычная.

— Очевидно. — Она налила воды из кувшина в стакан, протянула мне. — Пей. Медленно.

Я села, приняла стакан. Вода была холодной, настоящей. Я пила маленькими глотками, чувствуя, как жизнь возвращается.

— Дэймон? — спросила я. — Маркус?

— Живы. Маркус в лазарете, лечат сотрясение и сломанные рёбра. Дэймон... — Она замялась. — Охотится.

— На что?

— На демонов, которые напали на нас. Он в ярости. Я никогда не видела его таким. — Кира села на край кровати. — Знаешь, мой брат обычно контролирует эмоции лучше всех, кого я знаю. Два тысячелетия он учился не чувствовать. Но ты... ты разрушаешь этот контроль.

— Два тысячелетия? — Я чуть не поперхнулась. — Ему две тысячи лет?

— Две тысячи сто тридцать семь, если быть точной. Он родился во времена Римской империи. Стал Стражем в двадцать один. Защищал границы между мирами больше двух тысяч лет. — Кира посмотрела на меня внимательно. — Он не говорил тебе.

— Нет.

— Типично. — Она усмехнулась без юмора. — Дэймон мастер умалчивания. Говорит половину правды и думает, что защищает.

— Ты тоже такая старая?

— Мне тысяча двести. Другая мать, помнишь? Я родилась позже, в средневековье. — Она пожала плечами. — Стражи стареют медленно. Одна человеческая жизнь для нас — как год. Ты сама убедишься, если доживёшь.

— Оптимизм зашкаливает.

— Я реалист. — Кира встала, подошла к окну. За стеклом был день — серый, дождливый. — Хочешь знать, почему я не доверяю тебе?

Прямота была неожиданной.

— Да.

— Потому что я помню. — Её голос стал тише. — Помню пятнадцатую инкарнацию. Париж, восемнадцатый век. Ты была дочерью аристократа. Красивая, умная, сильная. Дэймон нашёл тебя, влюбился, как всегда. Вы были счастливы. Три месяца. Самые счастливые три месяца, что я видела у него за столетия.

Она замолчала. Пауза была тяжёлой.

— Что случилось?

— Азраэль пришёл к тебе во сне. Говорил с тобой. Соблазнял обещаниями силы, бессмертия. И ты... — Кира обернулась, в её глазах была холодная боль. — Ты пошла к нему. Сама. Предала Дэймона, открыла портал в Бездну посреди Парижа. Сотни людей умерли до того, как мы закрыли прорыв. И когда Дэймон нашёл тебя, в замке Азраэля, ты сказала, что никогда его не любила. Что всё было игрой.

Холод пополз по спине.

— Это... это не я.

— Нет? — Кира шагнула ближе. — Ты та же душа. Может, не помнишь, но где-то глубоко, это ты. И вчера на крыше, когда ты вызвала белое пламя, я видела твои глаза. Я видела, как что-то в них изменилось. Ты слышала Азраэля, верно?

Я не могла лгать.

— Да.

— И часть тебя хотела пойти.

— ...Да.

Кира кивнула, будто я подтвердила её худшие опасения.

— Вот почему я не доверяю. Не тебе лично. Но той части тебя, которая каждую жизнь тянется к тьме. — Она вышла к двери, остановилась на пороге. — Дэймон любит тебя слишком сильно, чтобы видеть это. Я — нет. И если ты снова предашь его, если причинишь ему боль... — Её рука легла на рукоять ножа. — Я убью тебя сама. До того, как проклятие успеет.

Дверь закрылась за ней.

Я осталась одна, в тишине медицинской комнаты, со словами, которые взрывали голову.

Я предавала его. В прошлой жизни. Пошла к Азраэлю добровольно.

Почему?

И что, если сделаю это снова?

Тошнота подкатила. Я откинула одеяло, встала на дрожащих ногах. Капельницу вытаскивала — осторожно, но решительно. Небольшая капелька крови выступила на коже. Я прижала ватку, которую нашла на тумбочке.

Мне нужно подумать. Одной.

Одежда лежала на стуле — чистая, моя. Кто-то позаботился. Я переоделась, чувствуя, как каждое движение отзывается слабостью в мышцах. Магическое истощение оставило след.

Вышла в коридор. Тихо. Только гул вентиляции и далёкие голоса откуда-то снизу.

Я пошла наугад. Не в сторону голосов — в противоположную. Нужно было побыть одной, разобраться в мыслях, которые роились, как потревоженный улей.

Я предавала Дэймона.

Часть меня хочет к Азраэлю.

Что, если я снова...

Коридор привёл к лестнице. Я поднялась. Дверь в конце — тяжёлая, деревянная, с резными узорами. Что-то в ней притягивало. Зов без слов.

Я толкнула дверь. Она поддалась легко, беззвучно.

Комната за ней была... странной. Не похожей на остальное здание. Стены каменные, древние. Факелы горели в настенных держателях — настоящие, живой огонь, не электричество. Пол устилал выцветший ковёр с рунами.

И в центре, на постаменте — зеркало.

Высокое, в раму из потемневшего серебра, покрытую письменами на языке, которого я не знала. Но стекло... стекло было не совсем стеклом. Оно колыхалось, как поверхность воды, отражало не комнату, а что-то другое.

Тьму. Звёзды. Пламя.

Я подошла ближе, замороженная.

— Не стоит, — раздался голос за спиной.

Я обернулась.

Маркус стоял в дверях, опираясь на посох. Голова перевязана, синяки под глазами. Но взгляд острый, настороженный.

— Это Зеркало Отражений, — сказал он тихо. — Древний артефакт. Показывает не внешность, а душу. Прошрое. То, кем ты была.

— Опасно?

— Для большинства — нет. Просто покажет фрагменты воспоминаний. Но для тебя... — Он замолчал. — Твоя душа прожила семнадцать жизней. Если зеркало откроет их все сразу, разум может не выдержать.

Я посмотрела на колышущуюся поверхность. Что-то внутри тянуло к ней — магнитом, неотвратимо.

— Но оно может помочь мне вспомнить? Понять?

— Да. Но ты должна быть готова к тому, что увидишь.

Я сделала шаг вперёд.

— Аделина...

— Мне нужно знать. — Я посмотрела на него через плечо. — Кира сказала, что я предавала Дэймона. В Париже. Я должна понять почему. Должна знать, кто я на самом деле.

Маркус долго смотрел на меня. Потом медленно кивнул.

— Тогда я останусь. Если станет слишком тяжело, вытащу тебя силой.

— Спасибо.

Я подошла вплотную. Протянула руку к зеркалу.

Пальцы коснулись поверхности — холодной, вязкой. Мир качнулся.

И я упала.

Не упала. Полетела.

Сквозь тьму, сквозь время, сквозь слои реальности.

Изображения вспыхивали и гасли, как кадры сломанной плёнки.

ВИДЕНИЕ ПЕРВОЕ: Александрийская библиотека, 48 год до н.э.

Я стою среди горящих свитков. Дым ест лёгкие. Жар обжигает кожу.

Мне двадцать три. Имя — Серафина. Я хранительница знаний, защитница древних текстов.

Демоны пришли за книгами. За запретными знаниями о вратах между мирами.

Я пыталась остановить их. Призвала огонь — не чтобы разрушить, чтобы защитить. Создала стену пламени вокруг самых ценных манускриптов.

Но демонов было слишком много.

Он ворвался в последний момент. Не Дэймон. Другое имя — Дамиан. Римский легионер, ставший Стражем. Его меч рассекал тьму.

— Серафина! Беги!

— Не оставляю книги!

— К чёрту книги! Я не потеряю тебя!

Но огонь вышел из-под контроля. Мой огонь. Я была слишком молода, слишком неопытна. Пламя пожрало свитки, которые я защищала.

Пожрало меня.

Последнее, что я видела — его лицо, искажённое ужасом. Его руки, тянущиеся ко мне сквозь стену огня.

— Прости, — прошептала я. — Найди меня снова.

— Всегда, — пообещал он сквозь слёзы. — Клянусь.

Тьма.

Видение отпустило. Я задыхалась, падала на колени перед зеркалом. Но оно не отпускало. Поверхность пульсировала, затягивала глубже.

ВИДЕНИЕ ВТОРОЕ: Средневековая Англия, 1215 год

Замок. Осада. Стены горят.

Я — Изольда, дочь лорда. Шестнадцать лет. Рыжие волосы заплетены в косу. На мне доспехи — лёгкие, кожаные. Меч в руке.

Демоны прорвались через ворота. Не армия людей — армия тьмы.

Дэймон — в этой жизни рыцарь, наёмник — сражается рядом. Его клинок поёт смертельную песню.

— Уходи в башню! — кричит он.

— Я не беспомощная дева!

— Знаю! Но их слишком много!

Я поджигаю баррикады. Огонь — моя сила в каждой жизни. Он слушается, танцует по моей команде.

Но демоны идут сквозь пламя. Сотни. Тысячи.

Финальная атака. Мы стоим спиной к спине в горящем тронном зале.

— Если мы умрём, — говорю я, — найдём ли друг друга снова?

— Я найду тебя, — обещает он. — В любой жизни. В любом мире.

Мы целуемся. Последний раз.

Потом — взрыв. Тьма. Огонь.

Смерть.

ВИДЕНИЕ ТРЕТЬЕ: Япония, период Эдо, 1657 год

Великий пожар Мэйрэки. Токио горит.

Я — Акари, гейша и тайная пиромантка. Двадцать лет. Рыжие волосы прячу под париком.

Дэймон — ронин, странствующий самурай. Нашёл меня в горящем квартале, спас от демонов, охотящихся в хаосе пожара.

Мы любили друг друга три месяца. Самые счастливые в этой жизни.

Но Азраэль послал видения. Ночные кошмары, в которых он показывал будущее — Дэймон умирает, защищая меня. Снова и снова.

«Пока ты с ним, он обречён», шептал голос тьмы.

Я попыталась уйти. Разорвать связь. Думала, если я исчезну, он будет в безопасности.

Но проклятие настигло. Храм, где я пряталась, сгорел дотла.

Дэймон пришёл. Слишком поздно. Держал мое тело, пока пепел падал с неба.

Я видела это из места между жизнями. Видела его боль.

И поняла: невозможно спасти его, уходя.

ВИДЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ: Париж, 1789 год

Революция. Кровь на улицах.

Я — Маргарита, дочь казнённого аристократа. Восемнадцать. Рыжие локоны, зелёные глаза. Пиромант, скрывающаяся среди простолюдинов.

Дэймон нашёл меня в горящем особняке. Спас от толпы. Мы влюбились.

Три месяца счастья.

А потом — он пришёл.

Азраэль. Не лично. Через сны. Он показывал... другое.

Показывал первую жизнь. Древний Рим. Аврелию и Дамиана.

Но не так, как было. Искажённо.

В его версии Дамиан предал меня. Отдал демонам ради спасения Рима.

«Он всегда предаёт тебя в конце», шептал Азраэль. «В каждой жизни. Ты умираешь, а он живёт. Случайность? Или выбор?»

Ложь. Всё было ложью.

Но я поверила.

Пошла к Азраэлю. Открыла портал. Сотни умерли.

Когда Дэймон нашёл меня, я увидела правду в его глазах. Он никогда не предавал. Никогда.

Но было поздно. Я сказала жестокие слова. Ранила его, потому что Азраэль контролировал мой разум.

— Я никогда тебя не любила.

Ложь. Худшая ложь, что я говорила.

Он верил. Боль в его глазах... я помню до сих пор.

Проклятие активировалось. Замок загорелся.

Последнее, что я видела — Дэймон протягивает руку. Пытается спасти.

Даже после предательства. Даже после всего.

«Прости», — прошептала я.

Он не услышал.

Зеркало отпустило.

Я упала на пол, рыдая. Не могла дышать. Воспоминания разрывали изнутри — семнадцать жизней, семнадцать смертей, семнадцать раз, когда он пытался спасти и терпел неудачу.

Не его вина. Никогда не была его вина.

Я умираю несмотря на всё, что он делал.

А в Париже — я ранила его сама. Худшая смерть. Не от огня. От слов.

Руки подняли меня. Маркус, его лицо размыто сквозь слёзы.

— Достаточно. Ты видела достаточно.

— Нет. — Я вцепилась в его рубашку. — Покажи мне первую жизнь. Самую первую. Аврелию и Дамиана. Как началось проклятие.

— Аделина, ты на пределе...

— ПОКАЖИ МНЕ!

Он колебался. Потом медленно кивнул.

— Тогда держись за меня. Я пойду с тобой. Первое воспоминание — самое сильное. Оно может поглотить.

Я схватила его руку. Мы повернулись к зеркалу вместе.

Оно вспыхнуло ослепительным светом.

ВИДЕНИЕ: Древний Рим, 73 год н.э.

Солнце. Жаркое, беспощадное.

Колизей. Арена.

Я — Аврелия. Мне девятнадцать. Жрица Весты, служительница священного огня. Рыжие волосы — яркие, как пламя — спадают до пояса. Белая туника, золотые браслеты.

Я не должна быть здесь. Весталки не посещают гладиаторские бои.

Но я пришла. Потому что чувствовала зов. Магию. Демоны проникли в Рим, замаскированные под львов на арене.

Я должна остановить их.

На песке — гладиаторы. Один выделяется. Высокий, мускулистый, шрамы покрывают грудь и руки. Тёмные волосы, серые глаза, в которых читается не животный страх, а холодная решимость.

Дамиан. Центурион, разжалованный за неповиновение. Отказался казнить невинных. Теперь сражается на арене, чтобы заработать свободу.

Он не знает, что львы, выпущенные на него — не животные.

Демоны сбрасывают шкуры. Толпа кричит в ужасе. Хаос.
Я не думаю. Прыгаю на арену — шестиметровый прыжок, который не должна выдержать хрупкая жрица. Но я не просто жрица. Я пиромант. Одна из последних.
Призываю огонь. Белое пламя вспыхивает в моих ладонях.
Дамиан поворачивается. Наши глаза встречаются.
Время останавливается.
В этом взгляде — узнавание. Не просто притяжение. Узнавание души, которые знали друг друга до этой жизни. До рождения. До времени.
«Ты», — шепчет он, хотя мы никогда не встречались.
«Ты», — отвечаю я, зная, что это правда.
Демоны атакуют. Мы сражаемся вместе — его меч, мой огонь. Идеальная синхронность, словно тренировались годы.
Побеждаем.
Толпа безумствует. Император восхищён. Дамиан получает свободу. Я — обвинение в осквернении священного сана.
Но мы сбегает той же ночью. Вместе.
Месяцы в бегах. Прячемся от римских легионов и демонов. Он учит меня сражаться мечом. Я учу его понимать магию.
Влюбляемся. Глубоко. Безоглядно.
Он просыпается от кошмаров. Видит, как я умираю снова и снова в огне. Не понимает откуда эти видения.
«Я не позволю этому случиться», — клянётся он.
«Обещай, что найдёшь меня, если что-то произойдёт», — прошу я, не зная почему.
«Обещаю. В любой жизни. В любом мире».

Шесть месяцев счастья.
А потом — он находит нас.
Азраэль.
Мы прячемся в заброшенном храме на окраине империи. Ночь. Звёзды яркие, холодные.
Он появляется из тени — высокий, невыносимо красивый, с крыльями, чёрными как полночь. Падший ангел, ставший князем демонов.
— Аврелия, — его голос как бархат и битое стекло. — Наконец-то.
Дамиан выхватывает меч. Я призываю пламя.
Азраэль смеётся.
— Ты думаешь, можешь сразиться со мной? Я древнее твоих богов, смертный.
— Попробуй пройти через меня, — рычит Дамиан.
— О, я не собираюсь убивать тебя. — Азраэль смотрит на меня, и в его глазах такая одержимость, что мороз пробирает до костей. — Смерть — слишком милосердна. Я сделаю так, что ты будешь страдать вечно.
Он поворачивается ко мне.
— Аврелия. Ты помнишь меня? Конечно, нет. Они стерли твою память, когда отправили сюда. Но я помню. Помню, кем ты была до этой жизни.
— О чём ты говоришь?
— Ты не рождалась смертной, любовь моя. — Азраэль шагает ближе. Дамиан пытается его остановить, но невидимая сила замораживает его на месте. — Ты была одной из нас. Ангелом. Моей парой. Моей половиной.
Холод заливает вены.
— Лжётся.

— Нет. Ты была Серафиной — ангелом пламени. Мы служили вместе на границах Рая. Любили друг друга тысячи лет. — Его рука тянется к моему лицу. Я не могу отстраниться. Парализована. — Но ты возжелала познать смертную любовь. Спустилась в этот мир. Забыла меня.

— Даже если это правда... я не помню. Не люблю тебя.

— Потому что они украли твою память! — Гнев вспыхивает в его глазах, красный, как кровь. — Отправили тебя реинкарнировать среди смертных, заставили забыть, кем была! Но я верну тебя. Заставлю вспомнить.

— Я никогда не пойду с тобой.

— Тогда я прокляну вас обоих. — Азраэль смотрит на Дамиана, всё ещё замороженного. — Ты будешь умирать снова и снова, Аврелия. Каждое возрождение закончится огнём. И он — твой жалкий смертный возлюбленный — будет возрождаться тоже. Найдёт тебя. Влюбится. И каждый раз будет смотреть, как ты сгораешь. Идеальное наказание для вас обоих.

— НЕТ! — Дамиан вырывается из оков силой воли. Бросается на Азраэля.

Падший ангел взмахивает рукой. Дамиан отлетает, врежется в стену храма.

Я кричу, бегу к нему. Он живой, но без сознания.

Азраэль начинает плести заклятие. Слова на языке, который старше человечества. Воздух вокруг искажается.

Я чувствую, как проклятие оплетает мою душу. Тяжёлое, неразрывное.

— Семнадцать раз ты умрёшь, — провозглашает Азраэль. — Семнадцать раз он будет страдать. А в восемнадцатый... ты сделаешь выбор. Вернуться ко мне и освободиться. Или сгореть окончательно, стереться из существования, и он будет помнить каждую твою смерть до конца своих дней.

— Я выбираю третий вариант, — шиплю я сквозь боль. — Разорвать твоё проклятие.

— Невозможно. — Он улыбается, жестоко, триумфально. — Единственный способ разорвать его — забыть того, кого любишь. Полностью. Все жизни. Все воспоминания. Стать пустой.

— Тогда я забуду! — Слёзы текут по щекам. — Лишь бы он был свободен!

Что-то мелькает в глазах Азраэля. Удивление? Боль?

— Ты выберешь его? Даже ценой себя?

— Всегда.

Молчание. Долгое.

Потом Азраэль поворачивается, крылья раскрываются.

— Посмотрим. Посмотрим, что ты выберешь через две тысячи лет боли. Когда устанешь. Когда сломаешься. — Он исчезает в тени. — Я буду ждать, моя Серафина.

Проклятие активизируется.

Храм вспыхивает. Огонь — мой огонь, вышедший из-под контроля — пожирает стены.

Я бегу к Дамиану. Обнимаю его, целую, пытаюсь разбудить.

— Прости, — шепчу сквозь рыдания. — Прости. Найди меня. Обещай.

Он открывает глаза — серые, любимые.

— Аврелия...

— Обещай!

— Обещаю. — Его рука сжимает мою. — Каждый раз. Я найду тебя.

Пламя поглощает нас.

Но я не отпускаю его руку.

До последнего мгновения.

Видение разбилось.

Я рухнула на пол, задыхаясь, рыдая так сильно, что не могла дышать. Маркус держал меня, но я едва чувствовала его руки.

Я была ангелом.

Я любила Азраэля до того, как стала Аврелией.

Я выбрала спуститься. Выбрала забыть.

И он проклял нас за это.

Две тысячи лет. Семнадцать смертей. Всё из-за моего выбора.

— Дышь, — голос Маркуса, далёкий. — Аделина, дыши!

Я задыхалась. Не могла вдохнуть. Слишком много. Слишком больно.

Дэймон страдал две тысячи лет из-за меня.

Руки подняли меня. Не Маркуса — другие, знакомые. Запах кедра и дождя.

Я открыла глаза.

Дэймон. Лицо перепачкано кровью — не своей. Одежда разорвана. Глаза дикие, испуганные.

— Что ты сделала?! — Он прижал меня к груди так крепко, что больно. — Зеркало Отражений! Маркус, ты позволил ей?!

— Она настаивала...

— Она могла потерять рассудок!

— Я... в порядке... — Голос хриплый, сломанный. — Я видела. Видела всё.

Дэймон отстранил меня, взгляделся в лицо. Что-то в моём выражении заставило его замереть.

— Что ты видела?

— Первую жизнь. Аврелию. Азраэля. — Слёзы не останавливались. — Проклятие. Я видела, как оно началось.

Его лицо окаменело.

— Аделина...

— Я была ангелом. — Слова вырывались, неудержимые. — Серафиной. Я любила Азраэля. А потом спустилась, стала смертной, влюбилась в тебя. И он проклял нас. Всё из-за меня. Всё это время... ты страдал из-за моего выбора!

— Нет. — Его руки сжали мои плечи. — Нет. Не смей так думать.

— Но это правда! Две тысячи лет ты смотрел, как я умираю, и...

— И я не жалею ни о секунде!

Его крик заставил меня замолчать.

— Слушай внимательно. — Дэймон притянул меня ближе, лбом прижался к моему. — Я прожил две тысячи лет. Видел империи, которые рождались и разрушались. Любил тебя в семнадцати жизнях. И да, каждая смерть разрывала меня. Но знаешь, что было бы хуже?

— Что?

— Если бы я никогда тебя не встретил. — Его голос дрожал. — Если бы ты не спустилась. Не стала Аврелией. Эти две тысячи лет боли стоят каждого момента, который мы провели вместе. Каждого поцелуя. Каждого взгляда. Каждого «я люблю тебя».

— Дэймон...

— Ты не виновата в проклятии. Азраэль виноват. И я разорву это проклятие. Клянусь всем, что имею.

Он поцеловал меня.

Не нежно. Отчаянно. Яростно. Словно пытался вдохнуть в меня жизнь.

Я ответила, цепляясь за него. За якорь в хаосе воспоминаний и боли.

Я любила его две тысячи лет.

И продолжу любить.

Что бы ни случилось.

Маркус тихо кашлянул.

— Ненавижу прерывать, но у нас проблема.

Мы оторвались друг от друга. Дэймон не выпустил меня, просто повернулся к Маркусу, держа за талию.

— Какая проблема?

— Пока ты охотился, я продолжал исследование пророчества. — Маркус протянул ноутбук. На экране — древний текст и перевод. — Нашёл финальный фрагмент. Тот, который объясняет цену разрыва проклятия.

Я посмотрела на экран. Строкиплыли перед глазами, ещё не оправившимися после видений. Дэймон читал вслух, его голос становился всё жёстче с каждым словом:

— «Восемнадцатая разорвёт цепи огнём души. Но цена разрыва — забвение любви, что связывала сквозь века. Память сгорит. Сердце опустеет. Страж останется один с бременем воспоминаний. Либо Восемнадцатая примет тьму, вернётся к Князю, и цепи падут иначе — смертью того, кто любил вечно».

Тишина была оглушающей.

— Значит... — Мой голос дрожал. — Либо я забываю тебя полностью, разрываю проклятие и живу дальше, не помня ничего. Либо иду к Азраэлю, и тогда проклятие снимается, но ты...

— Умираю, — закончил Дэймон. — Окончательно. Без реинкарнции.

— Есть третий вариант, — вставил Маркус тихо. — Ты не выбираешь ничего. Отказываешься от выбора. И тогда сгораешь окончательно. Твоя душа стирается из существования. Дэймон живёт, но помнит все восемнадцать жизней до конца своих дней.

Три варианта. Все ужасны.

Я отстранилась от Дэймона, отошла к окну. Нужно было подумать. Но как думать, когда каждый вариант разрывает душу?

— Сколько у нас времени? — спросила я, глядя на дождь за стеклом.

— До двойного лунного затмения — одиннадцать дней, — ответил Маркус. — В ту ночь проклятие достигнет пика. Ты должна будешь сделать выбор.

Одиннадцать дней.

— Может быть, есть четвёртый путь, — сказал Дэймон. — То, что мы ещё не нашли. Я не приму ни один из этих вариантов.

— Дэймон, пророчество ясно...

— К чёрту пророчество! — Он ударил кулаком по стене. Камень треснул. — Две тысячи лет я следовал правилам. Верил, что судьба неизменна. Но если судьба требует, чтобы я потерял её снова — либо через смерть, либо через забвение — тогда я изменю саму судьбу.

— Это невозможно, — начал Маркус.

— Наблюдай.

Дэймон развернулся к двери, но я остановила его:

— Куда ты идёшь?

— В библиотеку. Если есть способ разорвать проклятие, не заплатив этой цены, я найду его. — Он посмотрел на меня, и в его глазах горела решимость, которая пугала и восхищала одновременно. — Одиннадцать дней. Этого достаточно.

Он вышел.

Маркус посмотрел мне вслед, потом на меня.

— Он не остановится. Ты это знаешь?

— Знаю.

— Даже если это убьёт его.

— Знаю.

Маркус вздохнул, снял очки, протер их.

— Я тоже буду искать. Может, вместе найдём что-то. — Он двинулся к выходу, остановился у двери. — Аделина... если бы ты могла выбрать сейчас. Что бы ты выбрала?

Я долго молчала. Потом:

— Не знаю. Жить без воспоминаний о нём — это не жизнь. Но позволить ему умереть...

— Я сжала кулаки. — Я не смогу.

— Значит, остаётся третий вариант. Твоя смерть.

— Да.

— Он этого не допустит.

— Я знаю. — Я посмотрела на Маркуса. — Поэтому я не скажу ему, когда приму решение.

Что-то промелькнуло в глазах старшего Стража — понимание, грусть.

— Ты уже решила.

Я не ответила. Не нужно было.

Маркус кивнул и вышел, оставив меня одну.

Следующие часы прошли в тумане. Я не могла оставаться в медицинском крыле. Нужно было двигаться, делать что-то, иначе мысли сожрут изнутри.

Я спустилась вниз. Коридоры штаб-квартиры были тихими — большинство Стражей ушли патрулировать. Демоническая активность не снижалась.

Дошла до тренировочного зала. Большое помещение, маты на полу, оружие на стенах, мишени в дальнем конце.

Кира была там. Отрабатывала удары на боксёрской груше. Каждый удар — точный, жёсткий, вкладывала всю силу.

Она заметила меня, остановилась.

— Ты должна отдыхать.

— Не могу. — Я вошла в зал. — Научи меня драться.

Кира подняла бровь.

— Сейчас?

— Одиннадцать дней до затмения. Если я собираюсь выжить, мне нужно быть сильнее.

Огонь — это хорошо. Но если я не смогу его контролировать в критический момент?

Кира изучала меня долгим взглядом. Потом медленно кивнула.

— Хорошо. Но я не буду мягкой.

— Не прошу.

Она бросила мне тренировочный нож — деревянный, но увесистый.

— Покажи, что умеешь.

Я поймала нож, взвесила в руке. Никогда не держала оружие. Но когда пальцы сомкнулись на рукояти, что-то щёлкнуло.

Мышечная память.

Семнадцать жизней. Я сражалась в каждой.

Тело знало, что делать, даже если разум не помнил.

Я атаковала.

Быстро, инстинктивно. Выпад в сторону, удар снизу вверх, целясь в рёбра.

Кира блокировала — легко, почти лениво. Контратака. Я увернулась, перекатилась, вскочила.

Обмен ударов. Быстрый. Жёсткий.

Кира не сдерживалась. Её нож оставил синяк на моём плече, другой — на бедре.

Но я не отступала. Что-то внутри пробуждалось. Не огонь. Другое. Инстинкт воина, отточенный тысячелетиями.

Финальный обмен — я проскользнула под её защитой, деревянное лезвие уперлось в её горло.

Мы замерли.

Кира посмотрела на нож, потом на меня. Медленно улыбнулась — первая настоящая улыбка, что я видела на её лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.